№ 72 — 73 Июль — Август 1936 года Цена 15 сентов

Рос 1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

СОДЕРЖАНИЕ

Покончил самоубийством Александр Беркман — ПЕРЕДОВАЯ.
Надо изучать либертарные идеи — МАКС НЕТТЛАУ.
Шатания анархической пропаганды — ЖАН ГРАВ.
Вопросы анархической тактики — Л. ЛИПОТКИН.
Глупость — ЖАН ГРАВ.
Отделение школы от государства — А. К.
Бакунин — А-М.
Белые и черные в Африке — МАРК СТЕПНОЙ.
Письмо из Парижа — МУРОМЕЦ
На смерть Сакко и Ванцетти (стихотворение) — М. Ш.
Макс Штирнер — А-М.
Стихи и мелкие сообщения.

Р 4-4
Рос 1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА 13 ОТДЕЛ им. В. И. ЛЕНИНА
64-200

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ БЕЗВЛАСТНИКОВ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET DETROIT, MICH.

№ 72—73 ИЮЛЬ—АВГУСТ 1936 Г.

СОДЕРЖАНИЕ: ПЕРЕДОВАЯ. Покончил самоубийством Александр Беркман.—**МАКС НЕТТЛАУ.** Надо изучать либертарные идеи.— **ЖАН ГРАВ.** Шатания анархической пропаганды. **Л. ЛИПОТКИН.** Вопросы анархической тактики. — **ЖАН ГРАВ.** Глупость. — **А. К.** Отделение школы от государства.— **А-М.** Бакунин. — **МАРК СТЕПНОЙ.** Белые и черные в Африке. — **МУРОМЕЦ.** Письмо из Парижа. — **М. Ш.** На смерть Сакко и Ванцетти (стихотворение). — **А- М.** Макс Штирнер. — Стихи и мелкие сообщения.

ПОКОНЧИЛ САМОУБИЙСТВОМ АЛЕКСАНДР БЕРКМАН

Хорошо известный в Америке анархист Александр Беркман покончил самоубийством в Ницце (Франция) 27-го июня 1936 года. Свел счеты с жизнью А. Беркман на 67 году жизни. Некоторое время назад ему была произведена операция, после которой он плохо себя чувствовал.

А. Беркман родился в гор. Вильне 21 ноября 1870 года. В Соед. Штаты эмигрировал в 1887 году, и здесь принимал активное участие в анархическом движении. Покушение на питтсбургского фабриканта Фрика, жестоко расправившегося с забастовщиками, привело его к многолетнему тюремному заключению. Из тюрьмы он вышел духовно окрепшим и вооруженным большими знаниями. Прекрасный оратор и журналист, А. Беркман, вместе с Эммой Гольдман, играл выдающуюся роль в американском рабочем и революционном движении.

Случай избавиться от опасных анархистов представился во время Мировой войны. Беркман вел агитацию против человекоистребления и вовлечения Америки в европейскую войну. За это его выслали в СССР после новой продолжительной сидки в тюрьме.

Не пришелся «к месту» А. Беркман и в СССР. Кремлевские деспоты не могли найти друзей в Бркмане и Эмме Гольдман, которые предпочли покинуть страну безудержного красного террора и деспотизма.

В Европе беженцев - анархистов встретили далеко недружелюбно, как «врагов общества». Их всюду травили и преследовали. Приходилось кочевать из одной страны в другую, вернее всего из рук жандармов одной страны в руки охранников другой.

Везде от искавших политического убежища анархистов даже «либеральные» правительства требовали полного молчания и

M. NETTLAU.

НАДО ИЗУЧАТЬ ЛИБЕРТАРНЫЕ ИДЕИ

Если эта короткая статья обрисует обширность предмета и покажет важность сохранения упоминаемых здесь материалов, поскольку их удалось сохранить в их первоначальном виде и сделать доступными (коллекции печатных произведений и документов), а также и тщательное описание множества подлинных материалов и других источников (как мои собственные, так и сообщенные мне воспоминания), — тогда, быть может, моя попытка в этой области будет заслуживать упоминания в качестве библиографического источника. Я включаю в общую историю анархических идей следующие напечатанные произведения:

Der Vor-fruhling der Anarchie Берлин, издание «Синдикалист», 1925(225 стр.

Der Anarchismus von Proudhon zu Kropotkin (то же, 1859-1880-1927, 312 стр.).

Anarchisten und Sozialrevoluzionare — 1880—1886— (то же. — 1931, 409 стр.

И 4 рукописных тома, неопубликованные:

Die erste Blutezeit der Anarchie (1886—1894) и другие томы, всего приблизительно шесть, такого же формата, как том 1931 г. Следовало бы выпустить прибавление, содержащее многочисленные дополнения и поправки к трем напечатанным томам.

К перечисленному выше добавлены напечатанные томы, посвященные специально историческим предметам, как например: Bibliographie de l'Anarchie. Предисловие Элизе Реклю (Брюссель, 1897, XI, 294 стр.).

Michael Bakunin, Eine Biographie (Лондон 1896—1900, три тома, фолио, 1281 стр. размноженные в 50 экз.).

Michael Bakunn, Eine Biographische Skizze (Берлин, 1901, 64 стр. Эпилог написан Густавом Ландауэром).

Miguel Bakunin, Un Esbozo Biografico (Мексико, 1925, 32 стр.); другое резюме и другие писания о Бакунине, а также том статей Oeuvres (Париж, 1895, XI, 327 стр.); исторические предисловия к собранию сочинений, пять томов (Буэнос Айрес, издание Ла Протеста — 1925-29): неопубликованные тексты Бакунина в del Risveglio, 1929; XXXI, 397 стр.) и проч.

Miguel Bakunin, la Internacional y la dal 1864 al 1872 (Женева, Edizione del Risveglio, 1929; XXXI, 397 стр.), с предисловием Эррико Малатеста.

Miquel Bakunin, la Internacional y la Alianza en Espagna (1868—1872) Буэнос Айрес, 1925. Издание Ла Протеста, 132 стр..

Documentos ineditos Sobre la Internacional y la Alianza en Espagna (тоже, 1932, 210 стр.). Кроме того, я написал заметку для французского перевода «Исповеди» (1851) Бакунина (Париж. Ридер, 1932). Я также много писал, начиная с 1921 г., для уяснения подлинного характера этого документа.

Затем, неопубликованные рукописи:

прекращения всякой политической работы. Последние годы своей жизни А. Беркман провел в вынужденном безмолвии. Работало лишь его острое перо.

Время от времени в американской анархической печати появлялись статьи А. Беркмана, говорившие о непреклонности его анархических убеждений и веры в торжество свободнических идеалов.

Замученный, придавленный своими многочисленными врагами А. Беркман оставался на анархическом посту до момента роковой развязки. Физически его могли задушить, убить, но духом он остался непобедим. Его полные революционного огня и вдохновения книги и блестящие статьи останутся прекрасным памятником и будильником живой души грядущих поколений.

приложение к биографии, написанное в 1903—1905, 4 тома, фолио, где приводятся в порядок новые материалы (Не предназначенные для печати).

Michael Bakunin, Eine Biographie, рукопись, написанная в 1924—27 г. г. в соответствии с наличными в то время материалами. Это — сокращенное изложение, не воспроизводящее всех данных биографии 1896—1900 и ее приложений; четыре тома, каждый приблизительно по 350 стр. в каждой; в случае напечатания их, эти томы были бы дополнены материалом, котрый к тому времени будет в моем распоряжении.

«Михаил Бакунин» на французском языке, 1935 г., большой том (не напечатан)

«Жизнь Малатесты», итальянское издание (Нью Йорк 1932), немецкое (исправленное, Берлин «Синдикалист», 1922, 177 стр.) и испанское, дополненное до 1923 г.; Enrique Malatesta. La Vida de un Anarquista (Буэнос Айрес, издание Ла Протеста, 1923, 264 стр.), с приложением статей, написанных в 1932 году, после смерти Малатесты; из них две, появившиеся в Ла Ревиста Бланка, были исправлены и перепечатаны под заглавием: «Жизнь Энрико Малатесты» (с предисловием Федерики Монсени) издательством названного журнала (Барселона, 1933, 48 стр.). Упомянутое дополнение улучшает книгу, появившуюся в 1922 и 1923 г. г.

Элизе Реклю, «Анархисты и ученые»... (Берлин, «Синдикалист», 1928, 345 стр.). Дополненный испанский перевод: Eliseo Reclus. La Vida de un Sabio justo y rebelde (Барселона. Библиотека Ла ревиста бланка, два тома, 1928, 1928 г. г., 294 и 312 стр.).

Появилась также перепечатка «Дни изгнания» Эрнеста Кердеруа (1854—55) с биографией (Париж, 1910—11, три тома), биографическими очерками и другими произведениями по истории анархизма, появившимся в периодических журналах, как напр.: Freiheit, Freedom, Societe Nouvelle, Dokumente des Sozialismus, Archiv fur die geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung, Suplemento de la Protesta, Revista Blanca, etc.

В рукописи имеется также и том «Истории интернационала и федерации рабочиков испанского района» 1868—89 г.г., — том, содержащий около 450 печатных страниц; если этот том будет намечен к печати, то его необходимо будет предварительно исправить, дополнить и, быть может, написать наново.

Имеются также ненапечатанные рукописи Бакунина, частью переписанные, а также старейший отрывок его произведений, сохраненный с 1875 года; подлинник текстов 1866 года, напечатанных на немецком языке в собрании сочинений Бакунина (Берлин «Синдикалист», три тома), из котрых третий том подготовлен мною (1924); произведения с 1871—72 против Мадзини; произведения юрцев, письма к Лоренцо и другим лицам относятся к тому же времени.

Имеется много писем, относящихся к перепискам германских анархистов в И. Моста и И. Неве, подготовленные для издания с примечаниями. Имеется также большая работа, посвященная некоторым периодам истории тайных обществ эпохи Бэбефа и позднейших годов, до 1830 г.

Короче, имеется множество документов, писем и воспоминаний, либо переданных мне, либо записанных мною со слов других лиц. Эти документы могли бы послужить в качестве доказательств при изложении некотрых периодов истории социализма и анархизма, если бы у меня были средства поработать над этими документами и издать их.

При данных условиях, принимая во внимание состояние моего здоровья, когда доступ к части моей собственной коллекции и доступ к большим библиотекам в других странах стал почти невозможным для меня, и когда почти все старые и хорошо осведомленные товарищи умирают, не имея возможности записать свои воспоминания и об'яснения, — даже в этих условиях я не совсем лишен данных, и даже имел возможность напечатать много книг за время с 1922 до 1931 г., главным образом благодаря помощи, оказанной мне

издательствами Синдикалист, Ла Протеста, Ла Ревиста Бланка и Ресвелио (Женева). Но теперь, начиная с 1931 года, возможности издания книг исторического содержания как будто исчезают. Я думаю, что, об'ективно, нельзя не пожалеть об этом, ибо те из моих друзей и товарищей, которые на протяжении многих лет помогали мне добывать материалы, делали это и продолжают это делать, главным образом, исходя из твердого убеждения в том, что все эти материалы послужат для сохранения истории анархизма, свободной от неточностей, и, в продуманной связи, которая поднимает ее высоко над легендой, риторикой и поверхностным подходом. Не каждый, конечно, стремится изучить все детали, хотя я и без того сократил изложение, вследствие недостатка места. Однако, это не причина для того, чтобы довольствоваться малым и удовлетворяться легендами и риторикой, в то время, как все другие группы, претендующие на то, что у них есть своя собственная история, прилагают большие усилия к разработке своей истории.

В этой связи старый и новый социализм подвергается исследованию в пределах, известных лишь немногим. Тем не менее, каждому легко понять, что в безбрежной социалистической литературе анархизм изображается, как заблуждение, как сухая ветвь, полное исчезновение которой предвидится теми авторами, которые предсказывают победу, либо большевизма, либо реформированного государственного капитализма.

Именно это говорилось и говорится во всей огромной пропагандистской литературе властников. Игнорировать эту пропаганду не следует. Не должны также свободомыслящие закрывать глаза и на огромные размеры пропаганды духовенства. Люди, интересующиеся историей и изучающие прошлое, в состоянии будут понять, какая работа была необходима, чтобы очистить память Бакунина и Альянса от марксистской лжи и извращений. Короче, я защищаю дело, против котрого не выступал никто из многочисленных известных мне борцов, и которое встретило бы более широкую поддержку, если бы наше поле деятельности не сузилось до такой степени.

Меня иногда упрекали за то, что перечисленные книги написаны по немецки, на моем родном языке. Я напечатал их по немецки, потому что товарищи из берлинского «Синдикалиста» были единственными в Европе в 1922 и 1924 г. г., которые предоставили мне возможность напечатать эти исторические произведения и действительно напечатали. Это обстоятельство не оказалось препятствием для товарищей Сантильяна и Оробона, Фернандеца, которые изучили немецкий язык и частично перевели эти книги (биографии Малатесты и Элизе Реклю, а также некоторые главы из исторических работ и т.д.).

Издательства Ла Протеста и Ла Ревиста Бланка дали мне возможность в любое время написать историю анархизма для напечатания у них. Несколько итальянских товарищей, таких, как доктор Паоло Флорес, Малатеста и Бертони сделали возможным напечатание тома произведений Бакунина в Италии (1928). Еще ранее того, Элизе Реклю убедил меня напечатать один том сочинений Бакунина (1895) и «Библиографию анархии» (1897). В недолго просуществовавшем журнале «Анархическая идея» (Париж, приблизительно в 1923 г.) я напечатал первый, очень сокращенный текст исторических работ, а вскоре затем дополнил это изложение для Суплементо к Ла Протеста; получилась довольно большая брошюра, которая была перепечатана в Ревиста Бланка. Если бы кто-нибудь предложил мне напечатать упомянутые работы на французском и английском языках, то я написал бы на этих двух языках, но так как никто никогда об этом не думал, то никаких переводов сделано не было (за исключением перевода на испанский).

Не меня следует упрекать в этом, ибо я воспользовался единственной возможностью, какая у меня была, для напечатания упомянутых книг. Я всегда говорил, что просмотрю и дополню эти книги для любого перевода, как и сделал это

JEAN GRAVE.

ШАТАНИЯ АНАРХИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Бесполезно обманывать себя: анархическое движение — по крайней мере, во Франции (я не знаком с другими странами достаточно хорошо для того, чтобы говорить о них с полным знанием дела) — переживает не только остановку, но и помрачение идей.

Анархисты продолжают болтать, пережевывают старые слова, старые идеи, но не вносят ничего нового ни в идеи, ни в пропаганду.

Всегда одно и то же: «Революция! Революция!» Но кто же сделает революцию? Или, чтобы быть более точным, что будет сделано в революционный период? Никто ничего об этом не знает и мало кто этим занимается.

Нашлось, однако, несколько человек, которые более или менее неясно поняли, что революция не все вопросы разрешает. Эти люди спросили себя, что именно может быть сделано в революционный период, но они прошли мимо сути вопроса, даже не заметив этого.

«Уничтожить власть!» Это разумеется само собой. — «Уничтожить капитал!» Согласны! — Но этого очень мало по сравнению с тем, что необходимо сделать.

Пользуясь одной фразой Кропоткина, некоторые говорят нам: «Каждый будет производить по своим силам, каждый будет потреблять по своим потребностям. Это и означает «брать с кучи».

К несчастью, все это не более, как слова на ветер. Каждый будет производить по своим силам? Согласны. Но каким

при напечатании биографий Малатесты и Реклю в испанских переводах. Что мог я сделать? Поколение этих лет не проявляло большого интереса, и я все еще не вижу его пробуждения где бы то ни было, за исключением говорящих по испански стран и среди германских товарищей, ныне совершенно раздавленных.

Я часто предлагал товарищам разных стран, чтобы они и их группы помогли сделать возможным издание упомянутых неопубликованных рукописей, путем заблаговременной подписки на большое число экземпляров немецких книг, которые они сдали бы библиотекам и т. д.

Это побудило бы германских издателей поспешить с напечатанием этих книг.

Ничего, однако, не было сделало, и, таким образом, после захвата всех нераспространенных книг в Берлине в 1933 году, все те книги, которые не имелись в запасе в других странах, исчезли из продажи.

Можно ли это считать удовлетворительным решением вопроса, когда все на наших глазах исчезает, а мы нисколько об этом не заботимся? Я ничего тут не в состоянии поделать и думаю лишь об одной маленькой подробности, доставляющей мне много удовольствия, а именно: о том, что Малатеста, знавший английский язык, взял на себя задачу изучить немецкий язык и был в состоянии прочитать эти исторические работы, о чем и написал мне. Разве молодому поколению было бы труднее сделать это, чем Малатесте? А со сколькими языками я должен был познакомиться, чтобы собрать материал для этой, подлинно международной, истории?

Я действительно не знаю, что делать со всем этим материалом, со всеми этими еще незаконченными рукописями, которые пытаются сохранить историю анархических идей. К этой попытке был интерес еще в 1924 году, а в 1934 году я уже почти не вижу такого интереса. В 1935 году товарищи из Guilda de Amigos del Libro, в Испании, сделали возможным напечатание этого тома — первоначально написанного для Ла Протеста в Буэнос Айресе — и я пользуюсь этим случаем, чтобы поблагодарить их за их ценные усилия.

МАКС НЕТТЛАУ.

же способом будут производить? Что именно будут производить? И как будут регулировать это производство с таким расчетом, чтобы некоторые продукты не превысили потребления, в то время, как других будет нехватать для удовлетворения всех?

— «Чорт возьми, да ведь у нас будет свободное соглашение!»

Насчет свободного соглашения мы все согласны, но ведь и это не более, как слово. Как будет действовать это свободное соглашение?

Тут вмешиваются другие и об'ясняют нам, как, по их мнению, должно функционировать анархическое общество. В книге «Общество на следующий день после революции», позднее дополненной и вышедшей под заголовком «Будущее общество», я одним из первых высказался по этим вопросам. Я изложил в этих книгах свои взгляды, не претендуя, что события разовьются в точном согласии с моим изложением. Я просто сделал свой вклад в общее дело, вот и все.

И затем, мне известна только одна попытка об'яснить, чем должно было бы быть будущее общество. Может быть она и заслуживает эпитета анархической попытки, но она ничего общего не имеет с анархической идеей.

Автор хочет сделать нас частями целого механизма, системой групп, где мы чувствовали бы себя окаменевшими.

***

«Да избавит нас Бог от друзей, а от врагов мы сами избавимся», как говорит пословица.

Оставим Бога в стороне. Мы и сами можем сказать то же самое.

Некогда я воображал, что анархисты лучше подкованы, чем другие партии, более свободны от предразсудков, менее сектантски настроены. С тех пор мне пришлось, однако, сбавить тон в этом вопросе.

Они так же несправедливы, так же невежественны насчет своих собственных идей и такие же сектанты (большинство их, но, к счастью, не все), как и остальная толпа. Иногда они доводят свое разсуждение до нелепости.

Быть может, теперь уже не слышатся так часто возгласы: «Революция! Революция! Наплевать нам на общество 2000-го года». Но, вопреки тем, которые имели претензию дать описание его, общество будущего все еще пребывает в неизвестности. С тех пор, как появилась моя книга «Будущее общество», я не встречал ничего, что заслуживало бы обсуждения. (Книга эта вышла в одном томе, в издательстве Стока, но распродана).

Люди довольствуются фразами, фразами! Им достаточен эпитет ,независимо от того, что под ним скрывается.

Как я уже сказал выше, нашлись люди, заинтересовавшиеся этой проблемой, но из их анкеты получился только воздух. До сих пор еще остается неразрешимым вопрос о системе социальной организации, полностью отвечающей нашему идеалу: полная совбода для каждой личности и довольство для всех.

Это тем более верно, что проблема ставится не так, как ее ставили люди, которые более или менее занимались вопросом, что делать во время революции, а так: «Что делать в ходе пропаганды, чтобы заложить основы будущего общества?»

Из ничего — ничего и не будет. Революция, могущая разрушить то, что преграждает нам путь к осуществлению нашего идеала, не принесет нам ничего для воплощения этого идеала, кроме того, что мы сумеем построить сами. И это не только в теории, но и в деятельности превосходно организованных групп, умеющих приспособляться к потребностям момента и развиваться по мере того, как будут примыкать к ним люди, понявшие их полезность.

Как сказал Кропоткин: «Между обществом прошлого и обществом будущего не должно быть пропасти. Будет революция или нет, а нужно попрежнему есть, одеваться, а потому необходимо продолжать производство. Если революция с самого начала принесет населению лишь увеличение нищеты, хотя бы временное, то она

лишится сочувствия тех, которых она, напротив того, должна привлекать к себе».

С самого начала революции необходимо уничтожить не только политические формы, представляющие произвол и власть, что само собой разумеется, но и все то, что служит для экономической эксплоатации масс. И это не должно быть, как во время прошлых политических революций, простой сменой имени, прикрывающего ту же самую систему якобы устраненных ошибок. Нет, нужно полное изменение системы и методов.

Нужно уничтожить всякую меру ценности, какова бы она ни была, отменить всякие деньги, уничтожить, равным образом, и строй наемного труда. Но отсюда возник бы ужасный хаос, если бы, разрушая, мы не строили бы одновременно аппараты, дающие населению возможность продолжать производство и потребление и заметить происшедшую перемену, лишь благодаря повышению благосостояния и свободы, которые из этой перемены вытекли бы.

Повторяю, из ничего и будет ничего. Об этих аппаратах надо думать не в тот момент, когда они понадобятся. Чем они должны быть — это надо сделать ясным в период пропаганды. Надо постараться сделать набросок таких аппаратов, могущий служить руководством уже теперь в той мере, в какой это позволит современный строй.

Анархисты должны были бы посвятить себя делу нахождения таких группировок и организации их среди нас. Критика современного общества, капитализма, выдвигалась уже не раз. Нужно озаботиться и подготовкой будущей организации. Когда возникнет революция, она придет не только потому, что ее хотели, но и потому, что она будет вызвана стечением обстоятельств, которые сделали ее неизбежной.

В различных статьях я пытался дать определение некоторым из этих группировок, могущих помочь и облегчить производство и обмен в период революции: это — производительные и потребительные кооперативы, земледельческие колонии, совместно устроенные мастерские для всех желающих работать и производить по своему вкусу, в часы досуга, а также многие другие организации, какие будут придуманы. Бесполезно об этом распространяться здесь.

Разумеется, социальная критика не должна прекращаться совсем. Не следует отказываться от разоблачения злодеяний власти и капитализма, хотя бы в целях агитации.

Масса, которая жалуется, что ее эксплоатируют, еще не поняла механизма этой эксплоатации, и—я очень этого опасаюсь — большинство анархистов также не поняли его.

Одним из этих злодеяний является современная безработица. Она бросается в глаза, но лишь очень немногие поняли ее механизм.

«Дело в том, скажут нам, что слишком много производят. Продуктов слишком много».

Но почему же у нас слишком много продуктов?

«Потому, что слишком много производят», отвечают нам.

Такой спор мог бы длиться до бесконечности.

Но это не так. Не потому, что имеется слишком много продуктов, а потому что люди, создавшие их, не могли их потребить в согласии со своими нуждами, до полного удовлетворения их. И у нас получается нелепость, которой никто не замечает: капиталистическая организация не позволяет тому, кто живет своей заработной платой, потреблять вволю. Вместо того, излишек производства, скопляясь на складах, еще содействует увеличению недопотребления, и отсюда возникает безработица. (1).

***

В прежние времена, будучи прежде всего революционерами, мы подвергались

---

(1) В других статьях, я, как мне кажется, доказал, что там, где существует режим наемного труда, люди, живущие заработной платой, не могут потреблять по своим потребностям. Они не потребляют даже всего того, что производят.

ВОПРОСЫ АНАРХИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ

Анархисты должны стать революционной силой, направляющей одновременно борьбу против капитализма и государства.

П. Кропоткин.

Вопросы анархической тактики, т. е. приемов, средств и методов борьбы, которыми анархисты должны руководствоваться в своей работе по осуществлению анархического коммунизма, принадлежат к числу наиболее спорных и малоразработанных вопросов.

Эти вопросы остаются спорными и по настоящий момент, когда анархическое движение везде почти распылено и дезорганизовано, и когда организационный вопрос, как один из важных тактических пунктов, все еще является главной причиной раздора среди анархистов. Но благодаря именно этому печальному обстоятельству, анархисты, учитывая теперешний хаотический период анархизма, должны, тем не менее, подготовить себя и ясно, определенно выступить, хотя вкратце, с освещением вопросов своей тактики.

Почти все анархисты, несмотря на различие взглядов, более или менее согласны в своей конечной цели — осуществлении или реализации анархического идеала. Но как приблизиться или придти к этой заветной цели? Какие средства и пути следует избрать в борьбе за анархизм? Или какие методы борьбы больше всего вызывают тревогу и страх в лагере наших врагов — капиталистов и властителей — и вместе с тем вызывают наибольший прилив сил и воодушевления в трудовых массах — в рабочем классе, крестьянстве и трудовой интеллигенции? Как двинуть широкие массы народа на борьбу против капитала и власти—за свободный, анархический строй жизни? Вот коренные вопросы нашей тактики.

Присматриваясь к рабочему движению некоторых стран, мы наблюдаем, как все чаще и чаще происходят стычки или столкновения между рабочими и капиталистами на почве ли борьбы за улучшение экономического положения рабочих, или вследствие нападений со стороны капиталистов и их прислужников, стремящихся еще более ухудшить это положение. Это, разумеется, самые обыкновенные проявления классовой борьбы, не выходящие из сферы повседневных или мелких интересов рабочих.

Но каждое такое столкновение между трудом и капиталом может носить в себе здоровый зародыш обостренной революционной борьбы.

Революционный же характер экономической борьбы есть залог расширения этой борьбы до размеров социальной или всеобщей стачки. Ибо современное капиталистическое общество устроено так, что рабочие одной фабрики, например, защищаясь или сами нападая на своего ближайшего хозяина, так или иначе затрагивают интересы капиталистов, как класса. К тому же, всякая стачка, и мелкая и тем более всеобщая стачка очень часто вызывает у рабочих надежду на полное и окончательное освобождение от экономического рабства.

В такие серьезные моменты борьбы анархисты должны быть на своем посту, направляя все усилия к тому, чтобы случайные столкновения труда с капиталом превратить в непосредственную революционную борьбу, придав этой последней принципиальный или идейный характер.

Борьба за анархический идеал должна занять центральное место. Анархисты должны непрестанно указывать рабочим и

обвинению в том, что мы слишком много занимаемся теорией. Мы отвечали критикам, что теория необходима, если мы хотим отдавать себе отчет в том, куда мы идем.

А что делают теперь? Не занимаются даже и теорией! Занимаются лишь болтовней.

ЖАН ГРАВ.

другим трудящимся элементам, что борьба за мелкие или будничные интересы и требования в законных рамках государственно капиталистического строя, еще не уничтожает в корне последнего, а, наоборот, чаще всего укрепляет, усиливает его, — и все больше и больше подчеркивает свою конечную цель — полное освобождение от капитализма и власти, т. е. анархический коммунизм.

Анархисты, понятно, не должны восставать столько против конкретных экономических улучшений рабочих, сколько против мещанского чувства удовлетворения частичными «победами» и притупления революционного сознания, которые, как неизбежные спутники, раболепно следуют за рабочими в их повседневной тяжелой жизни.

Вопрос здесь, таким образом, касается не только самой цели борьбы, но больше всего избранной тактики и методов борьбы. Ибо для анархистов капитал и власть не абстрактные или отвлеченные понятия, а нечто весьма реальное: для них капиталисты и власть имущие — живые существа, которым они дают чувствовать силу своих требований и угроз.

Но анархическая тактика не должна ограничиваться одной только борьбой с капиталом и властью. Анархисты должны направить свои удары не только против экономического и политического гнета, но одновременно и против духовного или религиозного дурмана, держащего народ в темноте, невежестве и страхе. Мы должны также до и, в особенности, во время разгара борьбы неустанно и решительно выступать против всяких диктаторских и политических вожделений некоторых партий, стремящихся каждая в отдельности захватить в свои руки власть и богатства и насильно господствовать над массами.

В этом отношении опыт русской революции не должен быть забыт нами. Учитывая роковые ошибки прошлого, мы должны всеми силами стараться разбить в корне всякие иллюзии насчет переустройства жизни на началах диктаторской или другой формы власти; надо окончательно подорвать доверие народа к власти.

Дело анархизма есть дело трудовой части человечества, т. е. рабочих, крестьян и интеллигенции, лишенных средств, прав и свобод в жизни. Тактические пункты анархизма надо определить так: пробуждение революционного сознания трудящихся; непосредственная борьба против капиталистов, властителей и их защитников; захват частной собственности в общее достояние трудящихся; уничтожение всяких официальных документов, устанавливающих права на собственность и привилегии; словом, социальная революция, как верная исцелительница от всех социальных зол и бедствий. А самым главным творческим пунктом анархизма «на другой день после социальной революции» должно быть — создание вольного общества, в котором свобода не будет больше пустым звуком и в котором личность, группа и коммуна будут пользоваться полной возможностью и свободой развивать все свои силы и способности для полного торжества анархизма.

Л. Липоткин.

КО ВСЕМ ГРУППАМ И ОТДЕЛЬНЫМ ТОВАРИЩАМ КАНАДЫ

Дорогие товарищи! Для нас теперь настало время организоваться в одну мощную анархо - коммунистическую организацию и общими усилиями повести анархическую пропаганду среди трудового народа.

Не откладывая дела в долгий ящик, я рекомендую обсудить следующие вопросы:

1) Созыв Конференции где и когда.
2) Создание федерации в Канаде.
3) Прочтение докладов и лекций.
4) Отношение к обществам взаимопомощи.
5) Разное.

Еще раз прошу не медлить с обсуждением означенных вопросов, чтобы приготовиться к следующему сезону.

С тов. приветом

Т. Резанович.

Мой адрес:
T. Rezanowich,
4985 — 6th—Avenue, Canada.
Montreal, Canada.

ГЛУПОСТЬ

По случаю одного интервью с сэром Дефердингом, королем нефти, где он будто бы заявил, что:

«Это криминальное преступление против естественного закона, когда люди могут жить не на продукты своего собственного труда».

«Если бы я был диктатором, я убил бы всех лентяев», — будто бы добавил он,— г-н Ла-Фушардье в статье в «Эвр» 1) от 28 января, заявляет, что сэр Дефердинг— дурак. Что если бы он, Ла-Фушардье был диктатором, он бы охотно приговорил к смерти:

«проповедников, которые проповедуют: «Трудитесь, будем трудиться! «Труд есть наслаждение в жизнии.... За работу!...» Эти мрачные идиоты расчитывают, что время отнятое от работы — потерянное время, когда оно является в действительности выигранным временем». И он развивает это на протяжении двух длинных колоннн; «что никто не любит работать, что труд есть наказание: это — необходимость. Если людц лать и оставаться со скрещенными руками».

Но, в таком случае, г-н Ла-Фушардье так же глуп, как и тот, кого он критикует.

Совершенно неверно, что труд есть наазание: это — необходимость. Если люди хотят жить, они должны потреблять. А для того, чтобы потреблять, необходимо производить. Если они хотят есть, пить, одеваться, обуваться, иметь жилище и я не знаю, что еще, нужно производить, даже увеселения им невозможны иначе, как после того, как будут сделаны те предметы, с помощью которых они могут забавляться.

На заре человечества каждый производил или для потребления, или для обмена на то, что он сам не был в состоянии производить.

Только на протяжении эволюции наиболее хитрые, наиболее сильные или наиболее грубые ухитрялись навязать свой авторитет большинству и изобрели деньги или то, что их замещало — и установили, идя от одного изменения к другому, капиталистический режим, который состоит в том, что меньшинство стремится ничего не делать, в то время, как массы убивают себя от работы, чтобы его содержать, трудящиеся вынуждены себе отказывать в потреблении согласно своим нуждам, даже из того, что они производят.

Здесь г-н ЛаФушардье может воскликнуть: «Ага! Вы видите, моя правда, так как каждый, все-таки, стремится избавиться от работы!»

Не спешите, г-н Ла Фушардье! Исключения не составляют правила, а стремление сбросить часть своего труда на плечи своего соседа — прием не совсем элегантный. Настолько мало элегантный, что с тех пор, как установился этот порядок вещей, он нам обошелся в целую серию революций.

Революций, которые, к сожалению, не принесли больших изменений, так как те, кторые их делали, восстанавливали то же, что они разрушали, меняли улицу власти, но оставляли саму власть, продолжали верить в авторитет, думая, что это могло бы дать очень хорошие результаты, если бы он находился в руках добросовестных лиц, в то время, как дело заключается не только в том, что люди плохи, но и в самом авторитете.

Но когда я говорю, что капиталисты предпочитают ничего не делать, то это только способ выражения, так как им очень много приходится трудиться над тем, чтобы обеспечить себе эксплоатацию масс. Только, вот в чем дело. Современное общество видит в физическом труде унижение; было бы унизительно производить те продукты, которые потребляешь, тогда как очень благородно заставить производить других для себя.

Нет, совершенно неверно, что люди обычно ленивы, может быть только боль-

---

1) Французская радикальная газета.

ные, но больных не убивают, а лечат.

С другой стороны, если теперь, значительное число лиц гнушается зарабатывать себе на жизнь, то это чаще всего потому, что им приходится работать в такой профессии, которая им ничего не говорит, делает их рабами без всякого толка одних и тех же действий, тогда как они хотели бы быть свободны в своих поступках, а то, что они производят не имеет для них никакого интереса.

Те, кто любит свое ремесло, чаще всего выполняют его с удовольствием, и это дало бы еще большие результаты, если бы они были свободны поступать так, как они считают нужным и не обязаны были бы подчиняться приказам и контролю хозяина или мастера.

Люди нас не замечают в том, что мы, вне того времени, которое мы посвящаем труду, дающему нам возможность так или иначе существовать, отдаемся у себя дома другим занятиям, так как оно нам нравится, доставляет нам удовольствие, не заботясь ни о времени, ни об усталости, которые от этого происходят.

«Нужно трудиться, чтобы жить» и глупости г-на Ла-Фушардьера ничего не смогут в этом изменить. Если некоторые отказываются принимать участие в этом труде,то это значит, что другие вынуждены делать за них. То, что существует в настоящее время. С усилением еще и того, что те, которые занимаются полезным трудом, не имеют возможности потреблять согласно своим потребностям, в то время, как продукты имеются в изобилии и что изобилие само, создавая безработицу, способствует еще большему уменьшению потребления тех, которые вынуждны жить трудом, и все такие идиоты, как Ла-Фушардьер, не хотят видеть, что это приговор для капиталистического режима.

Этот режим произвола и эксплоатации, те, которые понимают, хотят заменить режимом справедливости и свободы, где каждый принимает участие в производстве, согласно своему желанию, своим склонностям и своим способностям, и где изобилие, вместо того, чтобы создавать голод и лишения, принесло бы каждому возможность потреблять ,согласно своим потребностям.

Совершенно неверно, что человек ленив. И это уже достаточно хорошо доказывает то, что он сносит такой режим, который принуждает его к такой скучной работе; человек всегда имеет необходимость расходовать энергию, и ничто лучше не доказывает это, как то, что наши богатеи вынуждены искать занятия, под предлогом отдыха, чтобы затратить эту энергию, что их приводит к бестолковой возне.

Зачем тратить свою энергию, чтобы поддерживать этот идиотский режим, который по существу никого не удовлетворяет? Почему не об'единяться друг с другом, чтобы создать такой общественный порядок, где бы каждый мог выбрать свободно предмет своего производства, об'единяясь с теми, кто имеет одинаковые склонности; эти группы об'единятся с другими для обмена между собой, так как каждая группа не будет в состоянии производить всего, что ей необходимо.

Особенно необходимо нужно будет уничтожить всех родов деньги или мерило стоимости, обменивая между собою услугу, а не коммерческую стоимость.

Все это обменивая между собою непосредственно, путем добровольного договора, без участия руководящих комитетов или каких либо других распределителей.

Все рассуждения г-на Ла-Фушардьера нам показывают только одну вещь: то, что, стремясь показать свое остроумие, кончают тем, что порождают только массу глупостей.

ЖАН ГРАВ.

НОВЫЕ КНИГИ

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВ. «Жизнь Н. Махно» Роман 0.75

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВ. «Батько Махно». Разсказы 0.65

«Пророчества Л. Н. Толстого» собрал и составил З. Иоффе 0.65

А. К.

ОТДЕЛЕНИЕ ШКОЛЫ ОТ ГОСУДАРСТВА
(ЗАМЕТКИ)

Пришла пора сказать государству: руки прочь от наших детей!

1) Из всех монополий, созданных властью и задерживающих распространение просвещения среди народа, самою вредною и опасною следует считать так называемую «школьную монополию», благодаря которой государство приобретает исключительное право на воспитание подрастающего поколения в духе «гражданской лойяльности» и «политической приспособляемости».

Фиктивное просвещение, которое преподносится народу в государственных школах, сводится в сущности к некоторому количеству практически полезных знаний и некоторому количеству тривиальнейших консервативных или реакционных воззрений, преподанных к тому же по скучнейшему казенному образцу. Выработать из школьника законопослушного и лойяльного гражданина существующего, в данное время, государства, привить ему чувство «доброго патриотизма» и, пожалуй, шовинизма, внушив ему, что страна, в которой он имел счастье родиться, лучшая в этом мире, а порядки и нравы, в ней процветающие, суть самые превосходные в данном времени и пространстве, — вот те «высокие» цели, ради которых созданы и дальше которых не осмеливаются смотреть эти высоко-официальные воззрения.

Разумеется, сами по себе воззрения эти не представляют никакой ценности, для этого они в достаточной мере безсмысленны и безсодержательны, настолько бессодержательны, что даже мало-мальски серьезно-мыслящий человек откажется от чести быть их снисходительным критиком.

В лучшем случае они способны привести к политическому кретинизму, выражающемуся в слепой и фанатической приверженности к существующему правопорядку и в рабской преданности учреждениям, охраняющим его; в худшем случае они приводят к нездоровому и чрезмерному общественному оптимизму, крайне пагубно отражающемуся на интеллектуальной и творческой активности индивида и низводящего его до степени инертной частицы расслабленного социального тела. Вот и все, что можно было бы возразить против подобных, с позволенья сказать, воззрений.

2) Государство вовсе не заинтересовано в том, чтобы наши дети стали разумными людьми, но зато оно кровно заинтересовано в том, чтобы наши дети, ставши взрослыми, охотно повиновались бы предписаниям существующих законов, почитали бы представителей законной власти и являлись бы безусловными приверженцами существующего правопорядка.

Поэтому когда государство уверяет, что в своих школах оно стремится воспитывать сознательных, просвещенных и добродетельных граждан, то в переводе с «возвышенного» политического языка на язык обычный, — это значит, что государство старается воспитать граждан, удобных для правительства, то-есть законопослушных, слепо повинующихся и не рассуждающих граждан.

3) Можно ли доверить государству воспитание наших детей? Мне кажется, что решение этого вопроса зависит от решения другого более общего вопроса: может ли вообще государство быть носителем народной культуры и другом народного знания?

Из истории нам известно, что государство могло быть хорошим воином, превосходным ростовщиком и посредственным политиком, но история, к сожалению, не дает нам ни одного примера, где бы государство являлось защитником народной культуры, и где бы оно по собственному почину, а не под давлением революционных общественных сил, серьезно занялось делом народного воспитания и просвещения. В вопросах народной культуры государство всегда выказывало себя грубым и невежествен

ным варваром, непонимающим элементарных начал этой культуры и враждебным основным интересам знания.

Культурная служба была навязана государству обществом уже в новое время, и на первых порах государство в несвойственной ему роли «просветителя» чувствовало себя не особенно ловко. Хотя государство и вынуждено было под давлением общественного мнения заняться вопросами народной культуры и просвещения, но оно сделало это скорее по необходимости, чем по доброй воле и согласию. Так мы видим, что первым «просветительным» актом государства было подчинение интересов культуры и знания интересам политики и законодательства.

В дальнейшем оно наложило свою тяжелую руку на все культурно просветительные учреждения, как то: печать, научные общества, клубы, школы. Сделало оно это опять таки не в интересах культуры,а в интересах мелочной политики. Первые, «просветительные» шаги государства, выразившиеся в цензурном гнете и в преследовании «научного свободомыслия» причинили огромный вред делу народной культуры, и если оно не погибло после того, то этим оно обязано тому, что на его защиту выступили живые общественные силы, сумевшие сплотиться и отразить свирепое наступление невежественных чиновников на культурные учреждения народа.

Я думаю, что в наше время серьезно рассуждать о культурной миссии государства может или заведомо - нечестный политик, подменяющий интересы культуры интересами политики, или наивный «кабинетный ученый», который познакомился с абстрактным государством немецких идеалистов, принимавших государство за идеальное существо, наделенное высшим разумом и призванное разрешить высокие вопросы справедливости и нравственности, но который не удосужился познакомиться с подлинным государством и со всеми его антиобщественными и антикультурными задачами.

4) Союз государства с наукой непрочен и недолговечен. Государство признает науку постольку, поскольку последняя способствует его процветанию. Но если в один прекрасный день ученые откажут государству в своем признании, то государство не постесняется об'явить ученых «государственными преступниками», а самую науку поставить «вне закона».

5) Найти для капиталистических фабрик и заводов известное количество образованной рабочей силы (грамотный рабочий куда расторпней и продуктивней безграмотного), — вот сложная задача, над разрешением которой трудятся капиталисты промышленных стран и вкупе с ними так называемое «министерство народного просвещения».

Подготовить кадры опытных и ловких чиновников, которые еще на школьных скамьях учились бы повелевать другим, т. е. знакомились бы со всеми тонкостями римского права и с казуистикой законодательств всех времен и стран, учились бы произносить красноречивые речи и гладко рассуждать, — вот вторая «важная» задача, над разрешением которой также призвано потрудиться известное нам министерство.

Собрать всех посредством школ в единое патриотическое стадо, слепо-преданное интересам своего отечества и считающее свое государство и свою страну лучше всех других в мире, — вот третья и последняя задача, решение которой озабочивает это известное, но малопочтенное министерство.

6) Министерство народного просвещения, —— это в высшей степени подозрительное явление. Несомненно тут дело пахнет обманом или заговором, но не заговором друзей народа против народного невежества и темноты, а заговором правящих классов против духовной эмансипации и просвещения трудящихся масс.

7) Покамест школы остаются в руках государства, последнее никак не сможет отказаться от соблазна превратить их в орудие политической пропаганды и партийной агитации. Единственный способ освободить школы от гнета мелкой политики и партий-

ной нетерпимости, — это вырвать их из рук государства и передать в руки общества.

8) Лозунг «отделение школы от государства» должен стать боевым актуальным лозунгом для каждого истинно - революционного движения.

9) Только та страна может быть названа действительно просвещенной, в которой лозунг «отделение школы от государства» полностью проведен в жизнь, в которой ни одна школа не оставлена в руках правительственных чиновников, а все дела просвещения ведутся добровольными союзами учащих и учащихся при дружной поддержке всех передовых культурных сил страны.

10) День, в который общество отнимет у правительства последнюю школу и последний учитель сбросит мундир государственного чиновника, будет праздноваться просвещенными людьми, как самое значительное завоевание культурной революции, ибо в этот день миллионы детей будут освобождены от духовного невежества и рабства, в которых их держит власть, и приобщены к истинному знанию и культуре, а сама наука освободится от гибельного влияния мелкой политики и партийной нетерпимости.

11) Если в руках просвещенного общества школа является могучим орудием знания и культуры, то в руках государства школа является не менее могущественным орудием порабощения и нравственного вырождения трудящихся масс. Поэтому друзья народа должны стремиться к тому, чтобы разрушить государственную школьную монополию и, освободив школы от опеки государства и церкви, передать их (школы) в руки народа.

НА СМОТРЕ

(Из впечатлений).

Гордо и плавна шагая,
Стройно сомкнувши ряды,
На пушечный гром не взирая,
Проходят махновцев полки.

Много их видно здесь, лишь погляди,
Серых героев, невзрачных,
Отставивших жен и детей позади,
И против насилий восставших.

Слишком помещичьи банды и зря
Трудящихся всех угнетали,
И полным местью порывом горя,
Они против белых восстали.

Труден и полон невзгод их путь был.
Восставших за правду и волю
И не мало найдешь ты повсюду могил
Махновских по чистому полю.

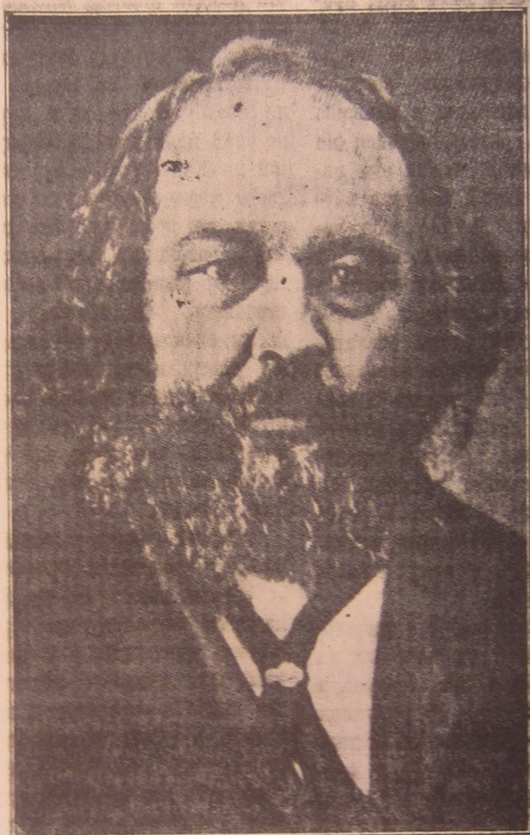
Да будет же вечная память борцам,
Павшим за счастье народа,
И громкая слава махновским полкам,
Трудящим принесшим свободу.

Я. Колин.

Из ежедневной газеты повстанцев-махновцев «Путь к Свободе» за 7 декабря 1919 года.

А—М.

М. БАКУНИН

Нередко в руслах наших обмелевших рек или среди чахлой лесной поросли приходится встречать огромных размеров пни, свидетельствующие о том, что и в нашей опустошенной стране, когда-то выростали величественные лесные гиганты. Точно так же и среди нашего безлюдья, среди мелких людишек, копошащихся в душной атмосфере мелких помыслов, мелких страстей, попадаются люди, перед которыми невольно останавливаешься в изумлении, задавая себе неразрешимый вопрос: каким образом в нашей принижающей обстановке мог вырости этого великана мысли?

Если такие явления странны для нашего времени, то тем большее удивление должны они были вызвать в мрачную эпоху «николаевщины». Ведь как бы ни были велики умственные силы человека, внешняя обстановка, среда, обстоятельства, оказывают на них огромное влияние. Если мы видим среди искривленного, чахлого дубняка полузаросшие пни столетних великанов, мы понимаем, какое множество деревьев погибает, не имея возможности развернуть вовсю, заложенные в них силы; когда мы видим среди низменных, пошлых людей, одиноких скитальцев, отмеченных печатью гения, мы не можем не думать о тех неведомых нам дарованиях, которым суровая жизнь не дала возможности развиться.

Эти мысли невольно приходят в голо-

ву, когда вспоминаешь те обстоятельства, при которых складывалась умственная личность Бакунина.

Бакунин, родившийся в 1814 году, происходил из небогатой дворянской семьи. Образование получил скудное, какое можно было получить в артиллерийском корпусе того времени. Он был выпущен в гвардию офицером, но его отец, разсердившийся на него за что-то, выхлопотал, чтобы его перевели в армию. И вот юный Бакунин очутился в какой то глухой белорусской деревне, где стоял артиллерийский парк, в котором он служил. Недюжинные умственные силы юноши требуют выхода, но в этом медвежьем углу не с кем слова сказать. Читать нечего. Нелепая служба опротивела... И юноша бросается на постель в своем тулупе, лежит дни, лежит ночи, ничего не делая, никого не видя. Весьма вероятно, что в непродолжительном времени, он нашел бы себе утешение в водке, в которой бы и утопил все те душевные ростки, которые незримо таились в нем, тщетно ожидая возможности роста.

К счастью для Бакунина, его начальник заявил ему, что если он поступил на службу, то должен служить как следует, а то лучше выйти в отставку. У Бакунина и в мыслях не было о возможности отставки. Он тотчас же оставил службу и поехал в Москву, где со свойственной ему страстностью, бросаясь от одной науки к другой, старался пополнить недостатки своего образования. Там с ним сошелся Станкевич, один из замечательнейших и образованнейших людей того времени, и оценив его способности, засадил его за изучение величайших немецких философов. Не зная немецкого языка, Бакунин выучился ему, читая Канта и Фихте, и в совершенстве усвоил идеи тогдашнего властителя дум— Гегеля.

Жить в тогдашней России для такой натуры, как у Бакунина, было пыткой. Он всей душой рвался в Берлин для завершения своего образования. Средств у него не было, и он обратился за помощью к Герцену. «Я жду духовного перерождения и крещения от этого путешествия, я чувствую в себе так много сильной и глубокой возможности, и еще так мало осуществил, что каждая лишняя копейка для меня важна, как новое средство к достижению моей цели... Я не буду говорить тебе о своей благодарности, но, поверь мне, я никогда не позабуду, что ты и друзья твои, почти не зная меня и не проникнув в глубину души моей, поверили в действительность и святость моего внутреннего стремления; я никогда не позабуду, что, дав мне средства ехать заграницу, вы может быть, спасли меня от ужаснейшего несчастья — от постепенного опошления. Поверьте, что я всеми силами буду стараться оправдать вашу доверенность и что я употреблю все заключающиеся во мне средства, для того, чтобы стать живым, действительно духовным человеком, полезным не только для себя одного, но и отечеству, и всем окружающим меня людям».

Герцен оценил таланты Бакунина и помог ему завершить образование заграницей.

Очень многие из русских людей, попав на долго заграницу чувствуют себя как растения, вырванные с корнем из родной почвы. Нет никакого захватывающего дела, нет связи с окружающей жизнью. От своих отстал, к чужим не пристал. Бакунин этого не чувствовал. Он быстро освоился с заграничной жизнью, всей душой стал на сторону рабочего класса и принял самое горячее участие в целом ряде революционных движений.

Во время восстания в Дрездене в 1849 году, он был начальником обороны, и взятый в плен после упорной борьбы, был приговорен к смертной казни. Смертная казнь была заменена вечной тюрьмой. Но через некоторое время, саксонское правительство передало Бакунина Австрии, где его также сперва предполагали казнить, но потом, продержавши в Ольмюцской тюрьме пол-года прикованным к стене, передали его русскому правительству. Император Николай 1 был польщен тем, что поручик его артиллерии, был «диктатором» столицы Саксонии, похвалил его храброе поведение в

Дрездене и посадил его в Петропавловскую крепость. В крепости, по желанию Николая, Бакунин написал записку о немецком и славянском движении. Император остался запиской очень доволен, а про Бакунина заметил: «он умный и хороший малый, но опасный человек, его надобно держать взаперти». И хорошего малого держали в такой ужасной обстановке Алексеевского равелина, что он хотел лишить себя жизни.

После трех лет в 1854 году, его перевели в Шлиссельбургскую тюрьму. Умер Николай, вступил на престол Александр II, Бакунин продолжал сидеть, и наконец, лишь в 1857 году, его послали на житье в Восточную Сибирь, откуда только в 1861 году ему удалось наконец убежать, и переправившись через два океана и Америку, прибыл в Европу. Долгих лет неволи и страданий как не бывало. Бакунин с юношеской энергией бросается в борьбу с существующим строем.

Гигантского роста, с косматой, как у льва, огромной головой, с детской доверчивостью и простотой, неутомимый в спорах, блестящий умом Бакунин, был как бы создан для агитаторской деятельности. Как глубокий философ, он легко разрушал самые сложные теории, служащие для поддержания существующего строя. Как боец, он ломился к освобождению человечества, ломился напрямик, что бы то ни стояло на его пути. Как ребенок, он никогда не думал о завтрашнем дне, не думал о том, что есть и где спать, и во что одеться, занимал деньги на право и на лево, и точно также разбрасывал их и раздавал кому попало.

«К страсти проповедывания, агитации, пожалуй демагогии, к безпрерывным усилиям учреждать, устраивать комплоты, переговоры, заводить сношения и придавать им огромное значение, у Бакунина, — по словам близко знавшего его Герцена, — прибавляется готовность первому итти на исполнение, готовность погибнуть, отвага принять все последствия. Это натура героическая, оставленная историей не у дел. Он тратил свои силы иногда на вздор так, как лев тратит шаги в клетке, все думая, что выйдет из нее. Но он не ритор, боящийся исполнения своих слов, или уклоняющийся от осуществления своих общих теорий...».

В чем же состояли эти теории?

Бакунин верил, что высшим законом для человека является закон развития, в силу которого человечество прогрессирует от менее совершенной к более совершенной форме существования. «История, — по словам Бакунина, — состоит в прогрессивном отрицании первоначальной животности человека через посредство развития его человечности... Позади нас находится наше животное, впереди нас наше человеческое существование; свет человечности, который один может просветить и согреть, освободить и поднять нас, сделать нас свободными, счастливыми, никогда не находится в начальной, а всегда в конечной точке истории... Мы никогда не должны смотреть назад, а всегда лишь вперед; впереди нас наше солнце, наше спасение...».

Но на пути человечества к счастью, лежит не мало преград, из которых многие созданы самими людьми. К таким преградам между прочим принадлежат и те писанные законы, которые люди называют правом, и которые способствуют увеличению господства сильного над слабым.

«Политическое законодательство, — говорит Бакунин, — основывается-ли оно на воле правителя, или на подаче голосов народными представителями, избираемыми все общим голосованием, никогда не может находиться в соответствии с законами природы и всегда зловредно и враждебно свободе народных масс уже потому, что оно навязывает им систему внешних и, следовательно, деспотичных законов... Всякое законодательство имеет последствием порабощение общества и вместе с тем развращение законодателей».

Отрицая существующее право, выражающееся в современных законах, Бакунин признает только естественные права человека, например, «право на самостятельность». «Для меня, — говорит он, — как для отдельной личности, это означает, что

я, в качестве человека, имею право не повиноваться никакому другому человеку, и поступать по своему усмотрению».

Бакунин признает точно также право, требующее исполнения договоров, конечно, в известных границах, так как «человеческая справедливость не может признать никаких вечных обязательств. Все права и обязанности основываются на свободе. Право свободного соединения в союзы и расторжение их есть первое и важнейшее из всех политических прав».

К несчастью существует такой союз людей, который, раз возникнув, считает себя выше единичных стремлений, его создавших, ставит себя выше людей и старается их поработить. Такой союз называется государством, которое когда-то было весьма полезно для развития человеческой личности, а теперь стало ее врагом.

В своем стремлении поработить человеческую личность, государство имеет сильного союзника в лице религии. Не единой истинной религии, которая заключается в признании высшего идеала, руководящего человеческими поступками, а той низменной религии, которая, распадаясь на множество религиозных верований, опутывает людей всевозможными суевериями и мешает человеческой личности достигнуть полного развития и полного обладания всеми своими духовными силами.

«Во всех странах, — говорит Бакунин, — государство родилось от союза насилия, разбоя, грабежа, — короче говоря, войны и завоевания — с богами, постепенно созданными религиозной фантазией народов... Тот, кто говорит об откровении, говорит вместе с тем и о боговдохновенных личностях, сообщивших людям откровение, о мессиях, пророках, жрецах и законодателях; а раз эти последние признаны представителями божества на земле, самим богом избранными учителями человечества, то само собою разумеется, что они должны иметь неограниченную власть. Все обязаны слепо повиноваться им, так как перед божественным разумом не имеет силы разум человеческий, перед божественной справедливостью не имеет значения справедливость земная. В качестве рабов бога, люди должны быть рабами церкви,а, по-скольку она освящает государство, также и рабами государства... Нет государства без религии и никакое государство не может обойтись без нее.

«Возьмите самые свободные государства в мире, как например, Северо - Американские Соединенные Штаты или Швейцарский союз, и вы увидите, какую важную роль во всех официальных речах играет божественное провидение... Правительства не без основания считают веру в бога существенным условием своего могущества. Есть класс людей, которые, если они и неверующие, все же непременно должны представляться, как будто они веруют. К этому классу принадлежат все мучители, поработители и эксплуататоры человечества. Духовенство, монахи, государственные люди, солдаты, финансисты, чиновники всякого рода, полицейские, жандармы, тюремщики и палачи, капиталисты, ростовщики, предприниматели и домовладельцы, адвокаты, экономисты, политики всех оттенков, все они вплоть до последнего лавочника всегда будут хором повторять слова Вольтера: «если бы не было Бога, то его следовало бы выдумать; потому что, не правда-ли, ведь должен же народ иметь религию».

Поддерживаемое церковным обманом государство, по мнению Бакунина, является поработителем управляемых. «По самому существу своему, оно может только повелевать и принуждать, а не убеждать... Даже тогда, когда оно приказывает добро, оно лишает это добро его ценности, так как всякое приказание, есть вызов, брошенный свободе; как только добро приказывается, оно становится злом, с точки зрения истинной, то-есть человеческой нравственности, человеческого достоинства и свободы. Ведь свобода, нравственность и достоинство человека, состоят именно в том, чтобы делать добро не потому, что ему приказывают, а потому, что он сознает, желает и любит».

Государство развращает не только управляемых, но и управляющих. Всякое привилегированное положение, всякая власть физическая или экономическая, непременно развращает, как отдельных властителей, так и классы общества и целые народы.

«Могущественные государства могут утверждать свою власть лишь путем преступлений, маленькие государства добродетельны, лишь вследствие слабости». «Мы от всей души ненавидим монархию; но в то же время мы убеждены, что и большая республика с войском, бюрократией и политической централизацией, поставит себе задачей завоевание извне и угнетение внутри и не будет в состоянии гарантировать счастье и свободу своим подданным, хотя бы они и назывались гражданами». «Ведь даже в чистейших демократиях, как например, в Соединенных Штатах и Швейцарии, привилегированное меньшинство противостоит громадному угнетенному большинству».

Отрицая современную форму государства, Бакунин считает, что человечество создает в недалеком будущем новую форму общежития, в которой людей будет связывать не верховная власть, а сознание потребности такого соединения и сила договора. «На место прежней организации сверху вниз, покоящейся на насилии и авторитете, станет новая, не имеющая никакой иной основы, кроме естественных потребностей, наклонностей и стремлений людей... Таким образом явится свободное соединение отдельных личностей в общины, общин в провинции, провинций в нации, наций в Соединенные Штаты Европы, а позже и всего мира».

Одним из весьма серьезных препятствий к совершенствованию человечества является право частной собственности. Оно точно так же, как и государство, когда-то приносило известную пользу людям, но в настоящее время вред от него значительно больше пользы. В обществе будущего, частную собственность будут составлять только предметы непосредственного употребления; земля же, орудия производства и все другие виды капитала будут общественной собственностью.

«Основой нового мира должна быть справедливость, — говорит Бакунин, — без нее не может быть ни свободы, ни общественной жизни, ни преуспеяния, ни мира. Справедливость — и притом не справедливость судей или священников, или оторвавшихся от жизни, книжных людей, — а просто человеческая справедливость повелевает, чтобы в будущем потребление каждого члена общества соответствовало количеству произведенных им продуктов. Итак, надо найти средство сделать невозможной для всякого, кто бы он ни был, эксплуатацию чужого труда и,—каждому лишь постольку позволить пользоваться запасом предметов потребления, принадлежащим обществу и представляющим не что иное, как продукт труда, — поскольку он непосредственно своим трудом содействовал созданию этого запаса».

Средство же заключается в том, «чтобы землей, орудиями производства и всеми другими видами капитала пользовались исключительно рабочие, то есть образуемые ими земледельческие и промышленные товарищества». И для этого вовсе не нужно учреждения какой нибудь верховной власти. «Во имя свободы, — замечает Бакунин, — которая одна может быть основой, как экономической, так и политической организации общества, мы всегда будем протестовать против всего, что хотя бы отдаленно напоминает коммунизм или государственный социализм... Я желаю организации общества и коллективной, или общественной собственности снизу вверх, в силу свободного соглашения, а не сверху вниз через посредство какого-нибудь авторитета».

Но какими же средствами возможно достигнуть коренного изменения существующего строя? По мнению Бакунина, установление нового порядка совершится путем социальной революции, т. е. насильственного переворота, который произойдет сам собой в силу естественного хода вещей. Ускорение и облегчение этого переворота должно быть задачей тех, кто предвидит ход развития.

«У народа есть три пути, чтобы избавиться от своей горькой доли, — говорит Бакунин, — два воображаемых и один действительный. Первые два — кабак и церковь, третий — социальная революция... Исцеление возможно лишь путем социальной революции».

Кровавая революция, по мнению Бакунина, есть всегда зло, громадное зло и большое несчастие, не только потому, что она сопряжена с жертвами, но и с точки зрения чистоты и совершенства той цели, во имя которой она совершается 1).

«Бойни, предпринятые с политической целью, никогда не уничтожали партий, против которых они были направлены, в особенности же они оказывались всегда совершенно бессильными по отношению к привилегированным классам,так как власть покоится не только на существовании каких-либо определенных личностей, сколько на том положении, которое обезпечивается за привилегирванными лицами какими-нибудь учреждениями,

«Итак, если желать произвести коренную революцию, то следует нападать на вещи и условия, следует разрушать собственность и государство, тогда не будет никакой надобности уничтожать людей и подвергаться опасности, угрожающей со стороны неизбежной реакции, которая всегда и во всех обществах вызывалась и будет вызываться убийством людей. Но для того, чтобы иметь право поступать с людьми человечно, не подвергая тем самым опасностям революцию, следует быть неумолимым по отношению к вещам и условиям, надо разрушать все и в особенности и прежде всего собственность и ее необходимое последствие — государство. В этом заключается весь секрет революции».

Для того, чтобы революция была успешна необходимо, чтобы она не являлась вспышкой политических страстей той или иной страны, но была бы дружным под'емом рабочих целого ряда соседних государств Европы. «Политическая и национальная революция не может оказаться победоносной, если из политической революции она не превратится в общественную, и из национальной во всеобщую, именно в силу присущего ей в самой ее основе общественного и антигосударственного характера».

Для того, чтобы устроить революцию, прежде всего, по мнению Бакунина, необходимо распространение среди народных масс известных идей. «Что мешает, чтобы спасительная идея проникла в рабочие массы словно бурный поток? Невежество масс и в особенности политические и религиозные предразсудки, которые еще и по сие время, благодаря стараниям господствующих классов, затемняют природный здравый смысл и здоровые чувства рабочего».

«Затем необходимо несколько сот предприимчивых людей, которые могли бы возбудить и направлять движение». «Они должны быть преданными, энергичными и даровитыми людьми, прежде всего, любить народ, быть свободными от честолюбия и тщеславия и обладать способностью стать посредниками между революционной мыслью и народными инстинктами».

Для того, чтобы привести свои идеи к осуществлению, Бакунин основал «Международный союз социалистической демократии» и все силы своего блестящего ума отдал на распространение этих идей, как среди рабочих, так и в других классах общества. Перед смертью он попросил, чтобы его отвезли в больницу, где помещаются простые рабочие. Там он и умер, и тело его положено было среди безвестных могил тех, незаметных людей, ради счастья которых он жил и боролся.

---

1) Здесь у Бакунина замечается явное противоречие. Будучи сторонником насильственного переворота, он в то же время высказывается против «кровавой революции». Призывая к уничтожению вещей, а не людей, он сам принимает деятельное участие в насильственных переворотах, при которых гибли и люди. Надо думать, что мы имеем здесь дело с одним из тех противоречий, которые являются печальным результатом разлада между теорией и практикой.

МАРК СТЕПНОЙ.

Белые и черные в Африке

Раздел Африки между европейскими державами начался сравнительно недавно. До 1880 года под их владычеством находилось около 1 млн. кв. миль из общего количества в 12 млн. кв. миль, составляющих площадь Африки, а к 1890 году Англия, Франция, Германия, Бельгия, Испания и Португалия владели 6 млн. кв. миль. К началу Европейской войны 1914—18 гг. почти вся Африка площадью, превышающею в 4 раза Соед. Штаты и в 3 раза всю Европу, находилась в руках европейцев.

Больше всего земли в Африке, составляющей 1/5 территории земного шара, имеют Франция и Англия — 8.9 млн. кв. миль, а остальная земля находится во владении Италии, Бельгии, Испании и Португалии.

По Версальскому договору Германия потеряла все свои колонии. Ее африканские колонии в 1 млн. кв. миль были распределены между союзниками следующим образом: Южно - Африканский Союз получил мандат над германской Восточной Африкой; Танганайка перешла целиком к Англии; Камерун, за исключением английской Нигерии, получила Франция; Тоголэнд также был разделен между Англией и Францией. Италия сохранила за собой Ливию, Эритрею и Сомали, Бельгия — Конго, Португалия — Мозамбик, Анголу и Гвинею, а Испания — часть Марокко.

С завоеванием Италией Эфиопии, называемой Абиссинией, в 1936 году вся Африка очутилась в руках европейцев, за исключением маленькой негритянской республики Либерии на Атлантическом побережьи, остающейся пока независимой.

По величине территории французские колонии и мандатные области в Африке стоят на первом месте — 4,232,732 кв. мили или 20 млн. кв. километров. Французские владения включают Марокко, Алжир, Тунис и остров Мадагаскар на Индийском океане, но огромную территорию в 3.5 млн. кв. миль занимает пустыня Сахара, поэтому численность населения составляет лишь 38.5 млн. душ, 9 человек на 1 кв. милю.

Британские владения в Африке составляют 3,925,288 кв. миль с населением в 65 млн. душ или более чем 16 человек на 1 кв. милю. Италия владеет 1,266,754 кв. милями с населением почти в 13.5 млн. человек, включая сюда и Эфиопию, что составляет 10.5 душ на 1 кв. милю; без Эфиопии, площадь которой 350,000 кв. миль с населением в 10 млн. душ, плотность населения итальянских колоний составляет 2.5 человек на 1 кв. милю.

Бельгия владеет 920,600 кв. милями с населением в 9,585,000 душ или около 10 человек на 1 кв. милю. Португалия владеет 796,720 кв. милями с населением в 7 млн. человек; плотность — 9 душ на 1 кв. милю. Испания имеет 140,000 кв. миль с населением в 0.9 млн. человек, — почти 6.5 душ на 1 кв. милю.

Как на Средиземном море, так и в Африке Англия держит в своих руках все важнейшие пункты на путях мирового сообщения: побережье Марокко запирается Гибралтаром, Красное море — Порт-Саидом и Аденом. Над входом в Индийский океан она владеет островом Сокотро и господствует вокруг мыса Доброй Надежды, а также обеспечила себе важнейшие пункты на западном побережьи Африки, владея Гамбией, Нигерией и другими колониями, омываемыми Атлантическим океаном. Преимущество английских колониальных владений в Африке заключается в том, что от Египта до Капштадта между ними существует непрерывная связь. Важнейшие экспортные товары, как золото, бриллианты, медь, каучук, слоновая кость, сахар, копра и т. д. вывозятся исключительно или в преобладающей части из британских колоний.

Португалия, владеющая Анголой на западе и Мозамбиком на востоке, а также Капвендерскими островами и португальской Гвинеей, сумела сохранить еще часть сво-

их когда-то огромных владений, а Испания потеряла. Ныне у Испании осталась только узкая полоса в Рио де Оро на северо - западном атлантическом побережье, мандатная территория в Марокко и Канарские острова, имеющие значение климатической станции. Бельгийская колония — Конго имеет большую хозяйственную ценность.

Население Африки исчисляется в 150 млн. человек. Из них около 3.5 млн. человек — белые, а остальное население — чернокожее. Из 3.5 млн. белых европейцев 90% населяют либо южную, либо северную оконечность черного материка: Южно-Африканский Союз насчитывает 2 млн. европейцев, а Тунис, Алжир и Марокко — 1.2 млн. Остальные 300,000 европейцев распределяются следующим образом в центральной Африке: 130,000 находятся в британских владениях, 40,000 — в французских, (западная и экваториальная Африка и о. Мадагаскар), в бельгийских — 25,000, в португальских — 60,000 и в итальянских — 50,000 человек.

Фашистская печать Италии утверждает, что старые народы, находящиеся по ее мнению на исходе истории, не в состоянии больше колонизовать дикие страны и что эта миссия должна быть передана молодым народам, одним из которых являются германцы, а другим итальянцы. Верно ли это? Приведем факты, говорящие сами за себя.

В 1885 году Германия утвердила за собой около 1 млн. кв. миль африканских земель. Во всей стране была развита небывалая по тогдашним временам пропаганда в пользу «колониальной империи» и «места под солнцем», на которое имеет право каждый немец. (Агитация за «место под солнцем» широко ведется ныне в Германии нацистами Гитлера). Спустя 25 лет, т. е. в 1911 году в африканских владениях Германии насчитывалось всего-навсего 15,890 человек — немцев, иммиграция которых составляла в среднем по 1,500 человек в год.

Столь же показателен и опыт Италии, завоевавшей в мае 1936 года Эфиопию для колонизаторских целей, хотя она задолго до завоевания владела Ливией, Эритреей и Сомали. Эритрея по своему климату и географическому положению, а также по геологическим условиям и туземному населению тождествена с плоскогориями Эфиопии, но итальянским колонизаторам, как при старом, так и при новом фашистском режиме почти ничего не удалось сделать. В Эритреи, площадью в 45,000 кв. миль с населением в 620,000 человек, проживало 4,100 итальянцев к 1935 году. Из них — 1,600 человек были чиновники и служащие, 550 — торговцы, 950 — дети и только 85 — земледельцев! Почти все итальянцы проживали в столице Эритреи — Асморе. Они вовсе не желали приняться за колонизацию годной для земледелия земли.

Из приведенных данных видно, что как итальянцы, так и немцы, плохие колонизаторы. Впрочем, колонизаторы эти сознаются, что цель их — завоевание и больше ничего. Без всякой церемонии фашистская печать заявляет:

«Мы хотим покорить отсталый народ не для его блага, а для нашего собственного блага. Мы захватим Абиссинию, как захватили Сомали, и обратим чернокожих в рабство. Мы это сделаем потому, что в силах это сделать, и ни одна белая нация не посмеет нас остановить, ни один цветной народ не в силах нам воспрепятствовать».

Поход итальянского фашизма на Эфиопию пробудил ненависть цветных рас к белым. Итало-эфиопская война всколыхнула весь мусульманский мир в Египте, Ираке, Йемене, Палестине, Индии и т. д. Ненависть к белым усиливается, она проявляется то здесь, то там в уличных беспорядках и столкновениях с полицией и войсками.

Борьба цветных с белыми перекинулась из Эфиопии в Египет, Палестину, Сирию и т. д. Угнетенные народы не желают больше покоряться угнетателям.

Марк Степной.

ПИСЬМО ИЗ ПАРИЖА

Товарищи! Вы поместили часть моего письма в последнем номере вашего журнала. Когда я его писал, у меня не было даже и отдаленного помышления, что его может постигнуть такая судьба. Вы можете, поэтому, представить мое смущение, когда я его увидал на столбцах журнала. Единственный выход из создавшегося положения, который мне представляется, это — просить Вас поместить в журнале и то, что я сейчас пишу.

Когда я писал то письмо, то я имел только одну мысль: убедить Вас в необходимости и крайней необходимости об'единения, я боялся, что такие резкие переходы от крайней вражды к крайней сплоченности могут вызвать массу недоразумений, которые могут привести к новым конфликтам и погубить это нужное дело. Поэтому мне крайне было бы неприятно, если на мое письмо взглянут как на новый источник полемики.

Собственно, моя идея была — внести практические предложения, которые, в той или иной мере, могли бы быть полезными для продвижения и приведения, к тем или иным, конкрестным результатам идею об'единения. Я предлагал создать, не разрушая существующих организаций, общий орган (секретариат), который координировал бы деятельность обоих организаций и постепенно сам по себе превратился бы в один (федеративный или конфедеративный) секретариат анархических организаций заграницей.

Второе мое предложение сводилось к тому, чтобы это об'единение не ограничилось только Америкой, а попыталось бы об'единить все организации и всех отдельных товарищей во всех странах заграницы.

Там же, где не существует организации, предложить товарищам создать таковую. Я вполне ясно отдаю себе отчет о том, что я говорю и вполне понимаю, что второе мое предложение сильно расширяет намеченные первоначальные планы, но все таки мне кажется, мой план в целом более реален, чем ваша идея слияния. Я вполне понимаю, что подобного рода об'единение вызовет к постановке других проблем, но ведь в них-то и есть ценность всякого об'единения. Нельзя же подходить к об'единению толко с технической стороны, такая узкая постановка, по моему мнению, вообще ни к чему не приведет и может быть только взята как первоначальная, отправная, а в таком виде она может быть приемлема и в данном случае.

Организационному вопросу я придаю исключительное значение, так как думаю, что, не разрешив его, мы не сможем говорить о чем либо другом, а говорить нам есть о чем, много о чем и особенно русскому анархическому движению.

Я думаю, что если бы анархическое движение не встретило русскую революцию в том раздробленном виде, как это было, если бы в русской революции мы выступали в виде единой организации, то многие, вероятно, события и факты приняли бы совершенно другой вид.

В самом деле, возьмем такой факт: в анархических кругах и анархической прессе очень было распространено мнение, что русская революция сразу же приняла анархический характер и эта стихия настолько была сильна, что даже большевики вынуждены были действовать под маской анархизма. В этом отношении у анархизма в настоящий момент есть совершенно неопровержимые данные в виде тех институтов, которые были выработаны революционным стихийным процессом. Советская система, которая неизбежно должна была придти на смену исчезнувшему под напором низовых масс русскому империализму в принципе воспроизводит ту идею, о которой говорили в свое время бакунизм, Федералистический интернационал и русское «хлебовольческое» движение.

Впрочем, и большевики не отрицают этого. Официальный комментатор советской конституции, проф Гурвич, прямо заявля-

ет, что бакунисты, выступая против советов, ломятся в открытую дверь (Гурвич— Основы советской конституции, Москва — Ленинград, 1923 г.).

Совершенно правильно, выступление против советской системы — выступление против самих себя. Но в том то и дело, что если бакунисты не могут выступать против советской системы, то с большей энергией они должны теперь выступить против «диктатуры пролетариата», фактически превратившейся в диктатуру партии, заменившей безгосударственные формы организации общества (таковой является советская система) государственным капитализмом со всеми его аттрибутами и положившей основание новой теории «тоталитарного государства», которая воодушевляет фашизм, гитлеризм и разного рода другие «этатизмы», получившие общее название «современной реакции». Вот против этого искажения, против этой интерпретации сущности советской системы должны выступить с самым энергичным не только протестом, но и должны направить свою борьбу.

Но посмотрим теперь дальше, посмотрим на практическую деятельность анархистов за время революции: не были ли они слабы, бездеятельны? Ничего подобного. Кронштадтское восстание в июле 1917 года, разгон Учредительного Собрания и, наконец, организация и сама самозащита завоеваний революции против белого движения, словом, во всех тех фазисах, в которых проходит русская революция, везде и всюду подавляющая роль анархистов.

В самом деле, вспомним только самооборону на главных ее участках: Украина, Волга и Сибирь — первоначальная роль, та самая роль, которая должна быть названа главной, принадлежит анархистам. Деятельность же красной армии сводится не столько к тому, что она пришла на смену этим первоначальным отрядам, а в том, что красное командование главным образом ведет борьбу с ними, стремясь подчинить их своему авторитету.

Мне нет необходимости повторять здесь имена участников самообороны, да и вряд ли я это был бы в состоянии сделать. Но вот самый случай: в последнее время у большевиков был поставлен очень ими рекламируемый фильм «Чапаев», это — один из крупных эпизодов гражданской войны на колчаковском фронте (мне вспоминается доклад одного нашего бывшего анархиста на анархическом конгрессе в Москве, который рассказывал, как он вел борьбу на Урале, а после того, как район был освобожден от неприятеля, он был арестован красным командованием и отправлен в Москву в Бутырскую тюрьму) и что же оказывается — Чапаев начал свою революционную и повстанческую деятельность с анархистов. Настолько разительны факты, как только мы начинаем с ними знакомиться. Но что мы здесь все таки видим? Героизм, героизм, которым вряд ли могут похвалиться другие партии и особенно большевики, но героизм отдельных личностей, отдельных имен, которые, как бы они ни были сильны физически и идейно, в разрозненном виде были беспомощны бороться против такой организованной силы, какую представляла в это время коммунистическая партия. Даже такое движение, как махновщина должно было сойти со сцены, уступив свое место большевикам.

А вспомним, что говорит нам Махно, как он беспощаден и одинок был, когда начинал борьбу. Только исключительный талант, практика — революционера помогли ему выйти победителем, если не физическим, то идейным, в отношении большевиков.

Я остановлюсь на махновщине еще в специальной статье, так как считаю, что Махно является для нас не только руководителем постанческих масс, но он практическим умом понял тот путь, по которому должны были пойти и все анархисты, т. е. он слился со стихией, он понял, какое значение должны будут играть те институты (в своих статьях по истории Русской Революции я укажу также, что главным, не единственным, конечно, актом, давшим сразу преимущество большевикам, был лозунг: «вся власть советам». В

этом лозунге массы услышали то, в чем и совершенно правильно — они расчитывали осуществить свои права и желания. Это дало Ленину преимущество и позволило сейчас же нанести смертельный удар советской системе), которые выдвигались стихийным низовым движением, он входит в эти органы, в них он начинает свою организацию борьбы и строительства новой жизни, на них он опирается в борьбе с большевиками и благодаря им, он выходит идейным победителем в этой борьбе.

В этом я, собственно, вижу сущность махновщины и гений Махно. Как реагировало на все эти акты анархическое движение? Поставьте этот вопрос и вы увидите, что вы беспомощны будете ответить на него, так как перед вами встанет ряд различных вариантов, по количеству, приблизительно, равных числу организаций. Такое положение вещей, совершенно невозможно считать нормальным и способным выйти победителем.

Понятие свободы, которое вкладывалось в подобного рода практику, скорее звучит как софизм, который, в данном случае, направлен против себя, чем как действительное понимание анархической свободы.

На уроках, говорят, учатся, но уроки во всяком случае, не становятся еще творчеством. Организация может себя оправдать только тогда, когда она ставит себе какую нибудь цель, а постановка цели неизбежно приводит нас в область творчества, т. е. к такой постановке, взор которой направлен в будущее. Прошлое нам наглядно показывает, какие непоправимые ошибки сделало анархическое движение и мы должны их исправить, но жизнь идет вперед и непрерывно ставит все новые и новые задачи, которые также существенны, как и исправление старых ошибок.

Однажды я присутствовал на одном докладе одного иностранного рабочего, который побывал в Советской России. Он говорил, по преимуществу, об отрицательных чертах советского строя и, когда он кончил, ему был задан, в числе других вопросов и такой: «Товарищ! все, что вы видели, было очень плохо, нужно ли отсюда заключить, что вы сожалеете, что в России произошла Октябрьская Революция?» — «Нет, товарищи, я этого не могу сказать, так как Советская Россия, при всех ее недостатках, перешла тот этап, который нам еще, живущим в капиталистическом обществе, нужно перейти». Этот ответ не может не вызвать на размышления. В этой простой фразе, по моему мнению, высказано гораздо больше политической мысли, чем в каком нибудь большом сочинении. Я не смогу вам здесь передать всего того, что приводит меня к такому заключению и остановлюсь на этом в статьях «Стихийность в Русской Революции», к которой это имеет большое отношение, а здесь коснусь только в той мере, поскольку это важно для организационного вопроса.

Что собственно из себя представляют социализм и анархизм? Какую они себе ставят цель? Современный социализм и анархизм берут свои истории из Первого Интернационала, который в этом отношении высказался совершенно определенно. Существующее общество, построенное по принципу «равенства перед законом», привело к господству буржуазии, т. е. к такому состоянию, где люди разделены на эксплоататоров и эксплоатируемых. Не только сознание фактического неравенства, но и удел личной нужды, на которую обречены эксплуатируемые, вызывает последних на борьбу за равенство, основанное не только на человеческом праве, но и предрешенное историческим процессом развития человечества.

Социализм есть не только процесс развития человеческой мысли, но и результат самой стихии классовой борьбы. «Если несколько мыслителей из буржуазии дали социализму опору науки и философии, тем не менее его основные воззрения вышли из работы народного ума, из рабочих масс. Социализм Международного Союза Рабочих — этой лучшей силы современной жизни — был выработан не учеными, а самими рабочими союзами, под непосредственным влиянием народной мысли. И те несколько писателей, которые помогли этой выработ-

ке, ничего иного не сделали, как только яснее высказали, или научно подтвердили стремления, уже проявившиеся в народе.» Вот что говорит Кропоткин в своей статье «К молодым людям». Следовательно, стихия, но стихия совершенно определенная, идущая из низовых масс, является творческой силой, которая создаст будущее общество.

Посмотрим теперь на Русскую Революцию. Если бы она совершилась так, как предлагали все политические партии, т. е. создала бы буржуазное общество с парламентом во главе, то нам, или рабочей идеологии, там было бы делать нечего. Но этого не произошло.

С первых же дней, с 1905 года, пролетариат (в широком смысле) стал во главе движения и вполне естественно он поставил проблему равенства так, как он этого сам хотел. Вот мимо этого процесса анархическая мысль пройти не сможет, она неизбежно должна считаться с ним. Дореволюционная мысль в силу вещей должна была высказываться гадательно и в общих чертах, отлично сознавая, что конкретное решение будет принадлежать этому стихийному процессу. Мы должны формулировать нашу мысль в более точных выражениях, принимая во внимание тот опыт, который был сделан Русской Революцией. Лучше всего эту работу сможет продолжать русская анархическая мысль, но результаты этой работы имеют международное значение. Эта задача — очень большая и совершенно необходимая, для которой необходимо как можно сильнее сплотить наши силы. А эту работу мы должны сделать и сделать во что бы то ни стало.

То, что я только что изложил, достаточно веско для аргументации в пользу об‘единения наших сил. Но этим задача русского анархического движения еще не исчерпывается. У него есть его специальные задачи, осуществление которых, по моему мнению, и оправдывают его существование. Где бы мы ни находились и каких бы взглядов ни придерживались, мы можем быть действительным движением только в том случае, если мы органически связаны с Россией. Этот вопрос не менее сложен и обширен, чем и предыдущий, так как органически быть связанным не есть только технический вопрос; это значит жить с ней одной жизнью, интересоваться ее частными интересами, ее особенностями, изучать их и, сообразно с этим, согласовать свою пропаганду.

Я уже говорил, что русский вопрос не есть только вопрос русских, им интересуются все в мире и с Русской Революцией не хочет так легко проститься и отказаться мировой пролетариат.

Дать ответ на этот бесконечный ряд вопросов, это — задача русского анархического движения, а это значит изучить ее не только с критической точки зрения. Но это также значит разрешить положительные вопросы применительно к русским особенностям. Эта задача исключительной важности.

Достаточно немного познакомиться с историей русского революционного движения, чтобы увидеть, что все русское революционное движение каких бы оно интернационалистических взглядов ни придерживалось, всегда именно так подходило к этому вопросу.

В настоящий момент у нас эта задача представляет опять таки исключительную важность. Существующая советская власть или, лучше, коммунистическая партия все сильнее и решительнее вступает на путь реакции, стремясь уже не к осуществлению пролетарской программы марксизма, а к ликвидации революционных завоеваний в буквальном смысле этого слова.

Естественно этот процесс не может проходить для многих совершенно безболезненно и особенно, как об этом говорят доходящие до нас вести, для молодежи и особенно той молодежи, которая вступила или вступает в кадры новой интеллигенции. Она не прельщается перспективами собственного благополучия и, видя всю безнадежность положения и крушение своих идей, тех идей, которые были отданы на служение счастливой и свободной жизни

трудящихся, переходя в открытую борьбу, борьбу непримиримую, террористическую с правительством, которому она еще не так давно верила и отдавала все силы. Но эта борьба не месть, а продолжение служения все тому же делу — делу революции. Как в те отдаленные времена, на заре русского революционного движения, когда молодые люди, бросая родной дом и отказываясь от сытной и беззаботной жизни, шли в народ, призывая его на борьбу с несправедливостью и неравенством, так и теперь все та же молодежь, та самая молодежь, которая не замыкается в личной жизни и своем собственном благополучии, а ставит тот же идеал служения, бросается снова на борьбу, но борьбу другого смысла.

Весь смысл ее борьбы — вера в правильность происшедшей Русской Революции. У нее есть твердая уверенность, что то, что было, есть не только одна сплошная ошибка, но ключ к разрешению идеи справедливости. В борьбе не только с новыми представителями вельможной знати, но и с всераз'едающим институтом напрягает она свои физические и духовные силы. Кто может придти ей на помощь в этом и чей это долг? Трудно говорить о себе как революционере и не болеть этой болезнью, не чувствовать этих переживаний, идущих нам на помощь свежих сил. И не понимать и не отдавать себе отчета в этом, это значит и не жить жизнью борца и революционера.

Товарищи! Я бы мог очень еще много и долго говорить, перечисляя все те соображения, которые должны нас заставить серьезно и более вдумчиво отнестись к вопросу об'единения. Достаточно присмотреться к текущему моменту, к тем совершающимся вокруг нас событиям, чтобы почувствовать необходимость сплотиться, но я не буду удлинять моего и так уже сильно затянувшегося письма. Я думаю, что из сказанного достаточно ясно видно, как мне было бы неприятно, если бы мое письмо вызывало только новую полемику, вместо того, чтобы двинуть это дело дальше и привести к более конкретным результатам.

С товарищеским приветом

МУРОМЕЦ.

Акростих на смерть Алексея Алексеевича Борового

Анархисты у свежей могилы.
Ленинских палачей это дело!
Еще крепче сомкнем свои силы,
К революции двинемся смело!
Социально - Анархической — нашей,
Ее путь недалек; она — грянет...
И она лучей солнца светлее и краше
Анархизм, Коммунизм тогда станет.
Люди братья, — свободными будут.
Единенье наступит, любовь и покой.
Клевету, ложь и зло позабудут
Светлый праздник придет и спокой!..
Эй! рабочий, бунтуй же скорей!
Эй, крестьянин, примкни, помоги!
Власть и Бога, свергайте смелее!..
И разрушь старый мир, новый гордо твори!
Человек — перл земли — мироздания...
Бог — вселенной, — труда и ума!..
Он творец мирового сознания...
Разум, — воля, природой дана!
О свободе твердил нам покойный...
Всех к восстанью рабов призывал.
Он нам контур давал жизни вольной...
И... подкошенный властью... упал!.

Александр Черняков.

НА СМЕРТЬ САККО И ВАНЦЕТТИ

У кого огонь любви пока еще в сердце тлеет,
Тех людей тот не осудит, но их пожалеет.
Ваше презрение к людям да растворится в любови к человечеству.

Из дневника.

Пускай людей жгут и убивают,—
Напрасно, истину не убьют!
Пускай Свобода, Правда и Любовь—свой голос подымают,
Но ложь, насилье, зло—их не поймут...
Пускай борцов за Истину, за Правду и любовь—теснят и угнетают,
Пускай мучают и безжалостно терзают, —
Не угасить всесильную Любовь!..
Пускай свет тьмою омрачают —
Напрасно, свет будет светить вновь!...
Пускай слезами, кровью землю обагряют,
Пускай костры и виселицы воздвигают,
В дым людей да в пепел претворяют, —
Лишь Правде и Любви тем почву удобряют!
Пускай сей мир в адских ужасов арену пре вращают,
И жизнь палачи — в сплошной кровавый пир, —
Лишь оргией кровавой тем ложь свою разоблачают.
И сокрушают адский свой кумир!...
Пускай с Востока лепестки той пышной розы
Растоптаны и сметены на Западе в прах,—
И новый плод созреет, который отравить едва ли уж сумеют.
Пускай их прах хранится в урне погребальной —
Их истина мчится на колеснице триумфальной.
И только теплого одно лишь свежее дыхание ветерка —
Сознанья в грозовую тучу скопятся облака,
Вздрогнут лжи, насилия, зла—кумир,
А с ними рухнет и этот преступный мир!..
Свет истины тогда лишь только грянет,
А Правда и Свобода и Любовь одним кумиром станет!

М. Ш.

Анархист

Я не учился быть красноречивым,
Я не учился складно говорить,
И вечно вежливым, учтивым,
Не мог никак я угодить.

То слово было им неладно,
То слог неправилен был мой,
Ходил как будто неразвязно, —
Осмеян всюду был толпой...

Всегда я слышал лишь упреки:
«Куда он лезет неуч к нам?
Зачем давать ему уроки?
Он был и будет вечный хам.

Разве есть в нем ум, стремленье
Творить художество, красу?
Несет лишь свету разрушенье
И смерти ужаса косу»...

Я все терпел, я все крепился,
Молчал, не мог им говорить...
Но дух мой сразу оживился,
Нашел я сил в себе творить.

Теперь кричу я им, презренным:
Вы осуждали век меня,
Стою я с факелом зажженным
Путь освещаю для себя.

Без вас я смело к цели выбьюсь.
Туда, куда стремился век.
В услугах ваших не нуждаюсь
Не раб я больше—человек.

Мозг и сердце бьются жизнью,
Ум стремится мой творить,
Я весь проникнут одной мыслью:
Дорогу к счастию пробить.

Верю я, что силы хватит:
Факел пламенный сдержу,
Свет повсюду запылает
Пожар я мира разожгу.

Слесарь В. Волков.

А—м.

МАКС ШТИРНЕР

Было время, когда человек бродил по лесам жалким, безпомощным существом, питаясь случайно попавшейся добычей, всегда на стороже, всегда опасаясь за свою жизнь. Силы человека были слишком ничтожны. Окружающие его враждебные силы природы были слишком могущественны.

Великий учитель человечества — нужда научила людей многочисленным средствам борьбы с окружающей природой и самым могущественным из этих средств было об'единение людей в общества. Об'единившиеся в общества люди могли с большим успехом бороться и против диких зверей и против холода и голода.

Чем крепче было об'единение, тем более обезпеченными чувствовали себя люди, бывшие его членами. Иногда одно общество соединялось с другими для того, чтобы бороться с какой нибудь особенно опасной бедой или чтобы выполнить работу, которая была не под силу небольшой общине. Выгода об'единения общин и естественное размножение людей способствовало увеличению размеров человеческих обществ. Мелкие племена соединялись в один народ. Одни общины присоединялись к другим добровольно, понимая все те выгоды, которые давало такое соединение, некоторые были присоединены силой, и потомки присоединенных впоследствии забывали о совершенном над их предками насилии и об'единялись в одном обществе с потомками присоединителей. Таким образом из разроставшегося человеческого общества создавалось государство. Выгоды, которые получала человеческая личность от существования государства были весьма многочисленны и очевидны.

К сожалению люди стали слишком преувеличивать значение этих выгод. Люди рождались, выростали и умирали, на смену одним поколениям являлись новые, а государства оставались. Менялись властители, менялись частности государственного порядка, но сущность государств оставалась без перемены и, мало по малу, люди стали смотреть на государство, как на нечто священное.

Из истории мы знаем много примеров, как ради благополучия или славы государства люди жертвовали своей жизнью и жизнью своих родных и близких, и на такие пожертвования современники всегда смотрели, как на какие то подвиги, как на проявления высших добродетелей. Да и в наше время, когда возникает война одного государства с другим, люди точно так же идут на смерть, считая, что они совершают что-то хорошее, исполняют свой долг. Все это происходило и происходит только потому, что в людях укоренился неправильный взгляд на государство, как на нечто священное.

Но ведь на самом то деле ничего священного в государстве нет, ведь на самом деле оно создалось только для того, чтобы обезпечить благополучие тех людей, из которых оно состоит, и существование его имеет смысл только до тех пор, пока оно исполняет свое назначение, т. е. исправно служит благополучию человека.

Но если государство начинает отнимать от человеческой личности самое необходимое, если для блага государства люди должны терпеть постоянную нищету, холод, голод и унижение, вплоть до насильственной смерти, то само собою разумеется, что такое государство — неоплатный должник перед личностью и, чем скорее его власть будет разрушена, тем лучше.

В настоящее время многие начинают понимать, что человеческая личность безсовестно ограблена государством, и стараются сбросить с себя иго государственного строя и убедить других людей сделать то же. Но как во всякой борьбе люди не могут удержаться от увлечения, так и в борьбе личности против государства, люди, защищающие человеческую личность, вместе с освобождением от ига государства пытаются освободить личность решите-

льно от всяких обязанностей по отношению к другим людям и от всяких стеснений. К таким представителям анархизма, доводящим свободу личности до крайних пределов, принадлежит Иоган Каспар Шмидт, подписывавший свои произведения псевдонимом Макс Штирнер, под каким именем он главным образом и был известен читающей публике.

О жизни Штирнера у нас очень мало сведений. Родился он 1806 года в Байреге в Баварии. С 1826 по 1829 год он изучал филологию и теологию в Берлине и Эрлангене, потом, оставив научные занятия, отправился путешествовать по Германии, живя по-долгу в некоторых городах. В 1832 году он возвратился в Берлин и после двухлетней подготовки сдал экзамен на преподавателя гимназии. Лет десять он работал в одной частной женской гимназии, но потом прекратил это занятие, посвятив себя исключительно литературе философского характера. Он умер в 1856 году.

Первая половина 19-го столетия была весьма интересным временем для Германии. Наполеоновские войны развили в немцах чувство необыкновенного патриотизма. Для того, чтобы сохранить свои государственные формы, немцы принесли огромные жертвы, сотни тысяч людей легли на полях сражений, в надежде, что их смертью будет завоевано благополучие оставшихся в живых. Но когда внешний враг был побежден и победителям оставалось только пользоваться плодами своих побед, тогда оказалось, что та мать-отчизна, за которую умирали отважные бойцы, не мать, а мачеха, что те формы государственного строя, за которые было пролито столько крови, не оправдывают возлагавшихся на них надежд и что та свобода, которая грезилась борцам, как награда за их жертвы и усилия, оказалась не свободой, а новым рабством.

Такое разочарование в лучших надеждах не могло не найти отражений и в литературе и в философии. У одних оно вызвало безпощадные насмешки и проклятия по адресу правительств, обманувших ожидания народа, у других—полное отрицание не только государственного строя, права человечности, но и каких либо обязанностей, связывающих личность человека. К этим последним принадлежал и Штирнер.

Человеческая личность, по мнению Штирнера, сама в себе заключает свою цель. «Человек ни к чему не призван и у него нет никакой задачи, как нет призвания у растения или животного...» «Если есть хоть одна истина, которой человек должен посвятить свою жизнь, свои силы, потому что он человек, то значит он подчинен этой истине, подчинен правилу, господству, закону и т. д., значит он слуга..» «Покуда ты веришь в истину, ты не веришь в самого себя, ты—слуга, религиозный человек. Один ты—истина, или, вернее, ты больше истины, которая ничто перед тобой».

Таким образом, по мнению Штирнера, высшим законом руководящим деятельностью человека, является его личное благо, а личное благо заключается в наслаждении жизнью. Штирнер не признает никаких обязанностей. Он ничего не делает ради Бога, или ради человека, а только ради самого себя. «Ты для меня, восклицает Штирнер, не что иное, как моя пища, и точно также и ты поедаешь и используешь меня. У нас друг к другу есть лишь одно отношение — отношение годности, полезности, пользы...». «И я также люблю людей, не только отдельных личностей, а всех вообще людей. Но моя любовь к людям сознательно эгоистична, я люблю их потому, что любовь делает меня счастливым. Я люблю потому, что любовь для меня естественна, потому что мне так нравится. Я не знаю никакой заповеди любви».

Ставя выше всего человеческую личность, стремящуюся к наслаждению жизнью, и отвергая все иные основы поведения, Штирнер, конечно, должен отрицать и право, и государство, и собственность.

Право, как понятие о законном, доз-

воленном, справедливом, непременно требует признания какого то высшего нравственного авторитета, устанавливающего эти понятия, но раз этот авторитет отвергнут, раз эта основа разрушена, то падают сами собой и понятия о законном, дозволенном, справедливом, т. е. понятие о праве. В этом случае вместо понятия о праве выступает понятие о силе. «Я имею право, говорит Штирнер, на все то, на что я имею силу...» «Тот, кто имеет силу, тот стоит выше закона».

О государстве Штирнер высказывает следующие мысли: «Государство может процветать, в то время как личность подавляется и страдает. Всякое государство есть деспотия, будет ли в нем один деспот, или многие, или же, как обыкновенно представляют себе республику, все будут господами, т. е. все будут проявлять деспотизм по отношению друг к другу. Государство всегда имеет целью ограничить отдельную личность, связать, подчинить ее, поставить ее в подчиненное положение по отношению к чему нибудь общему. Всякую свободную деятельность государство старается стеснить своей цензурой, своим контролем, своей полицией, и оно считает такое стеснение своей обязанностью».

По мнению Штирнера, государство должно быть заменено иной формой общения, основанной исключительно на стремлении к личному благу каждого из членов общества. Членов таких общежитий будет соединять исключительно сознание личной выгоды и личная воля. Человек будет отдавать свои силы общежитию или союзу людей только потому, что в них он увидит наилучшую возможность полного проявления своих сил. Как на пример, таких эгоистических союзов, Штирнер указывает на общества, образуемые детьми для игр, и на другие добровольные союзы, возникающие вследствие присущего людям инстинкта общительности.

Во имя требований свободной человеческой личности, стремящейся к своему благу, Штирнер отрицает и право собственности. «Собственность не священна, говорит он. Я не отступаю робко перед твоей и вашей собственностью, а всегда смотрю на нее, как на свою собственность, которую мне решительно нечего «уважать». Поступайте же точно также с тем, что вы называете моей собственностью». «Собственность лишь стесняет, ограничивает личность, а не существует для ее блага, как обыкновенно думают. Она должна быть заменена формой распределения, основанной исключительно на стремлении каждого к его личному благу. При такой форме распределения каждый владел бы всем тем, что он имеет силу и возможность добыть себе». (Под силой Штирнер подразумевает не только физическую силу, но все то, что может оказать воздействие на окружающих. Слабость стариков, безпомощность ребенка, все это силы, которые заставляют других людей служить им).

«Если мы не желаем, приводит пример Штирнер, оставлять землю в руках поземельных собственников, а желаем присвоить ее себе, то мы соединяемся для этой цели, образуем союз, общество, которое становится собственником земли»... «Та собственность, долю которой пожелает иметь каждый, будет отнята у личности, желающей иметь ее в своем исключительном пользовании и будет обращена в общественную собственность».

Для того, чтобы произошло изменение существующего строя, по мнению Штирнера, необходимо, чтобы совершилась у достаточного количества людей внутренняя перемена, благодаря которой они признали бы высшим законом для себя свое личное благо, и тогда эти люди насильственным путем уничтожат право, государство и собственность и установят новый общественный порядок.

Проповедуя возмущение против существующего строя, Штирнер отличает возмущение от революции. «Возмущение, по его мнению, не есть борьба против существующего строя, так как там, где находит благоприятную почву, существующий порядок разрушается сам собой; оно есть лишь мое высвобождение из существующего. Раз я оставляю существующий строй, он умирает и разлагается. Так как цель моя не в

том, чтобы ниспровергнуть существующий порядок, а в том, чтобы возвыситься над ним, то мое намерение и деяние будут не политическими или социальными, а эгоистическими, как направленные исключительно на меня, на мою неот'емлемую личность»

Штирнер в своих разсуждениях производит впечатление человека, которому до смерти надоели все хорошие слова о любви к людям, к отечеству, к человечеству, о самопожертвовании ради тех или ных идей, одним словом все те приманки, которыми впродолжение стольких лет ловкие господа заманивали доверчивых людей. Разочаровавшись во всех призывах и знаменах, он об'являет себя эгоистом и ломит как буря, сметая на своем пути все учреждения, все верования, отталкивая этим от своего учения и закрывая от людских глаз то зерно истины, которое в нем имеется.

Но при всей своей крайности Штирнер на самом деле оказывается не достаточно разрушительным. Как порывистая буря, ломающая деревья, но не вырывающая их, оставляет в земле корни, так и Штирнер, во имя эгоизма опрокидывающий существующий строй, оставляет целым его корни, т. е. именно этот самый эгоизм, а из этих корней старый строй вырастет вновь со всеми своими недостатками. Ведь только человеческий эгоизм создал законы, определяющие, что дозволено людям и что запрещено, эгоизм исцарапал земной шар государственными границами и один только эгоизм мог создать право собственности.

Как в знаменитое учение о борьбе за существование в позднейшее время внесено добавление, в котором повествуется о борьбе за жизнь других, так и Штирнеровская теория эгоистического возстания личности против существующего строя нуждается в поправке, которая указывала бы на необходимость борьбы за человеческую личность других людей во имя высшего, руководящего принципа, дающего смысл жизни.

КО ВСЕМ ТОВАРИЩАМ И ОРГАНИЗАЦИЯМ

Дорогие друзья и товарищи!

Самым важным в издании журнала «Пробуждение» надо признать тот факт, что журнал является единственным в своем роде опытом самостоятельного творчества рабочих низов, или, что будет более верно, творчеством крестьянских масс.

«Пробуждение» издается рабочими, которые вышли из крестьянской среды, которые оказались заброшенными в далекую Америку, Канаду и Южную Америку из своих деревенских закоулков.

За свое существование журналу и издающим его пришлось перенести много невзгод и выдержать массу враждебных натисков.

В 1937 году в апреле месяце исполнится 10 лет со дня выхода первого номера «Пробуждение», а поэтому Федерация Рабочих Союзов Безвластников решила выпустить юбилейный номер «Пробуждения» в 150-200 страниц.

1) Желательно, чтобы Союзы, группы и прогрессивные организации, а также отдельные товарищи устраивали пикники, концерт-балы, вечеринки и более того открыли при организациях добровольные фонды и собирали по подписным листам деньги на издание юбилейного номера.

2) Убедительно просим всех наших сотрудников и корреспондентов, чтобы подготовляли статьи и корреспонденции для юбилейного номера, которые должно прислать не позже 15 января, а статьи до 1-го февраля 1937 года. Это будет не только юбилейный журнал, а часть коллективной истории нашего анархического движения в Америке, Канаде и Южной Америке.

Все деньги, статьи и корреспонденции просят направлять по адресу «Пробуждение» с указанием для юбилейного журнала «Пробуждение».

Секретарь

И. ЧЕРНЫЙ.

Открыта подписка
НА ЖУРНАЛ
ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган Федерации Рабочих Союзов Безвластников Соединенных Штатов и Канады.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

"PROBUZHDENIE"

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает читателя с журналом, как различные сообщения с мест о том, что происходит на фабриках, в шахтах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия "Пробуждения" просит поэтому товарищей присылать нам краткие сообщения, заметки и корреспонденции об анархическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содействия по распространению журнала, подысканию новых подписчиков, и об оказании ему вашей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке журнал сможет выходить регулярно, и выполнять возложенную на него миссию распространения безвластнических идей свободы и международного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.